Соленая тропа

Автор:
Рэйнор Винн

Соленая тропа

Рэйнор Винн

Найди свой путь. Духовный опыт

Предательство, потеря родного дома, известие о смертельной болезни – все это обрушилось на 50-летних супругов из Великобритании разом, совершенно внезапно. Растерянные, отчаявшиеся, почти без денег, они принимают самое, казалось бы, безумное решение: отправиться в поход по юго-западной береговой тропе протяженностью 630 миль, знаменитой своей суровой красотой. В 2013 году, с трудом закинув на плечи рюкзаки с самым необходимым, они тронулись в путь по захватывающим дух пейзажам, подвергаясь всем трудностям жизни в дикой природе и меняясь с каждым шагом. В сентябре 2019 года книга стала первым бестселлером в Великобритании.

Рэйнор Винн

Соленая тропа

Посвящается единомышленникам, благодаря которым эта книга появилась на свет

Raynor Winn

THE SALT PATH

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd,

London. Text Copyright © Raynor Winn 2018.

The author has asserted her moral rights. All rights reserved

© Автономова Н.В., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Когда прибой подбирается совсем близко, он издает звук, который ни с чем нельзя спутать. Поверх оглушающего фонового рева вначале слышен глухой удар, когда волна с силой обрушивается на берег, а затем – особое шипение, когда она откатывается обратно в море. Ночь выдалась темной, но даже не видя прибоя, я ощущала его мощь и понимала, что он совсем близко. Я попыталась рассуждать логически. Мы поставили палатку намного выше линии прилива; за палаткой был небольшой обрыв, ниже – пляж, и только за ним уже начиналась вода; это далеко, мы в безопасности. Я положила голову на свернутую куртку и снова попыталась уснуть. Но нет, мы были вовсе не в безопасности, совсем наоборот. Удары и шипение раздавались не откуда-то снизу, а совсем рядом.

Пробравшись сквозь зелено-черную полутьму палатки, я расстегнула молнию и выглянула наружу. Лунный свет, зацепившись за верхушки скал, не попадал на пляж, лежавший в полной темноте, но зато освещал волны, уже взобравшиеся на уступ, где стояла палатка, и яростно разбивавшиеся в пену в каком-то метре от нее. Я потрясла спальный мешок, лежавший рядом.

– Мот, Мот! Вода поднимается!

Покидав все тяжелые вещи в рюкзаки, сунув ноги в ботинки, мы вытащили из песка стальные колышки и подняли палатку в воздух, не складывая, вместе со спальниками и одеждой; под их тяжестью дно провисло до самого песка. Словно огромный зеленый краб, мы помчались вдоль пляжа в сторону того, что еще накануне вечером было малюсеньким пресноводным ручейком, бежавшим к морю. Теперь ручеек превратился в канал шириной не меньше метра, наполненный морской водой, которая стремительно неслась по направлению к скалам.

– Не могу больше держать ее так высоко, сейчас спальники промокнут.

– Ну так сделай что-нибудь, иначе промокнут не только спа…

Мы побежали обратно. Когда волны в очередной раз схлынули в море, я увидела, что канал разгладился, превратившись в широкую полосу воды глубиной почти по колено. Мы снова побежали на пляж – море уже залило то место, где была наша стоянка, и теперь торопилось к нам по песку.

– Дождемся, когда волны опять схлынут, и побежим через канал, а потом вверх, на пляж.

Я не верила своим глазам. Два месяца назад этот человек едва мог надеть куртку без посторонней помощи, а теперь вот стоял на пляже в одних шортах и рюкзаке, держа высоко над головой разложенную палатку. Да еще кричал мне, чтобы я бежала.

– Побежали, побежали!

Держа палатку на вытянутых руках, мы прошлепали по воде и отчаянно закарабкались вверх по пляжу, а волны то били нас по ногам, то пытались утянуть в море. Спотыкаясь на мягком песке, чавкая ботинками, полными соленой воды, мы уронили палатку у подножия скалы.

– Знаешь, мне кажется, эти скалы ненадежны. Надо перебраться подальше.

Что? Как он может так трезво мыслить в три часа ночи?

– Ни за что.

Мы прошли 243 мили[1 - Около 391 км. Одна миля равна 1609 метрам. – Здесь и далее примечания переводчика.] и проспали в палатке тридцать шесть ночей, питаясь в основном сухим пайком. Путеводитель по юго-западной береговой тропе утверждал, что мы дойдем сюда за восемнадцать дней, и постоянно советовал нам места, где можно вкусно поесть и с комфортом остановиться. Ни предложенный график, ни удобства не вписывались в наш бюджет, но мне было все равно. Мот бегал по пляжу в лунном свете – на нем были потрепанные шорты, а над головой он держал собранную палатку. Это походило на чудо. Я о таком и не мечтала.

Пока мы собирали рюкзаки и кипятили чай, над бухтой Портерас начало светать. Впереди был очередной день. Всего лишь очередной день в пути. Идти нам оставалось каких-то 378 миль.

Часть первая

К свету

Муза, о муже мне расскажи многохитром, который Много скитался с тех пор, как разрушил священную Трою, Видел многих людей, города, узнавая их нравы, Много в душе перенес испытаний, блуждая по морю.

Гомер. Одиссея

1. Пыль жизни

Решение отправиться в путь я приняла под лестницей. В тот момент я ничего как следует не продумала: ни как пройду пешком 630 миль с рюкзаком на спине, ни где возьму на это деньги, ни как проведу почти сто ночей в палатке, ни чем займусь потом. Я даже не предупредила своего мужа, с которым мы прожили тридцать два года, что он отправляется в дорогу вместе со мной.

Всего за несколько минут до этого мне показалось, что спрятаться под лестницей – вполне разумная мысль. Люди в черном начали барабанить в дверь в девять утра, но мы не были готовы выходить. Мне требовалось еще немного времени: еще час, еще неделя, еще жизнь. Сколько бы мне ни дали времени, его бы не хватило. Поэтому мы вдвоем притаились под лестницей, как испуганные мыши, прижавшись друг к другу, перешептываясь, как непослушные дети, в ожидании, что нас обнаружат.

Приставы обошли дом кругом, стуча в окна, проверяя все замки, пытаясь войти внутрь. Я слышала, как один из них влез на скамейку и с криками пытался открыть кухонную форточку. Именно в этот момент мне на глаза попалась книга, лежавшая в одной из собранных для переезда коробок. Это была «Прогулка длиной 500 миль» – история человека, пешком прошедшего всю юго-западную береговую тропу со своей собакой. Я читала ее, когда мне было двадцать с небольшим лет.

Мот сжался в комок рядом со мной. Уткнувшись головой в колени, он обхватил их руками, словно пытаясь защититься от боли, страха и гнева. Да, от гнева прежде всего. Вот уже три года, как жизнь, казалось, объявила нам войну по всем фронтам. Мот обессилел от гнева. Я погладила его по голове. Я гладила эту голову, когда волосы на ней были еще длинными и светлыми и пахли морской солью, вереском и юностью. Я гладила ее, когда в ней попадались комки детского пластилина. Теперь волосы на ней поседели, поредели и покрылись пылью жизни.

Мы познакомились, когда мне было восемнадцать, теперь мне пятьдесят. Вдвоем мы заново отстроили эту разрушенную ферму, с любовью восстановив каждую стену, каждый камень. Мы растили здесь овощи, кур и двоих детей, а потом перестроили старый амбар под гостевой домик, чтобы за небольшие деньги сдавать его постояльцам. А теперь мы должны выйти за дверь и навсегда оставить свой дом, отказаться от него, отказаться от всей своей жизни.

– Мы могли бы отправиться в поход.

Это прозвучало несколько дико, но я все равно это произнесла.

– В поход?

– Ну да, в поход.

Под силу ли это Моту? Вообще говоря, это же просто тропа вдоль берега, едва ли по ней очень трудно идти. Мы могли бы пойти совсем медленно, шаг за шагом, точно следуя карте. Мне отчаянно нужна была карта – хоть какой-то ориентир в жизни. Так почему бы нам не отправиться в поход по береговой тропе? Вряд ли это окажется безумно тяжело.

Пройти пешком все побережье, от Майнхеда, что в графстве Сомерсет, через Северный Девон, Корнуолл и Южный Девон до самого Пула, что в графстве Дорсет, внезапно показалось мне вполне выполнимой задачей. Однако в тот момент мысль о том, чтобы отправиться в поход по холмам, пляжам и вересковым пустошам, представлялась столь же далекой и неправдоподобной, как и о том, чтобы вылезти из-под лестницы и открыть дверь. Все это было под силу кому-то другому – только не нам.

Но ведь нам уже доводилось восстанавливать безнадежно разрушенное, осваивать профессию строителей и сантехников, растить детей, защищать себя перед судьями и дорогостоящими юристами. Так почему бы и нет?

Потому что мы потерпели поражение. Проиграли дело, потеряли свой дом и самих себя. Я протянула руку, достала книгу из коробки и посмотрела на заголовок: «Прогулка длиной 500 миль». Это звучало так безмятежно. В тот момент я не знала, что юго-западная береговая тропа – это жестокое испытание и что, если сложить вместе все горы и холмы, на которые нам предстоит подняться, получится гора почти в четыре раза выше Эвереста. Что в действительности длина тропы 630 миль[2 - 1013 км.], а ее ширина нередко не больше фута[3 - 30,48 см.]. Что нам придется спать на улице, жить на улице и, превозмогая боль, разбираться, как мы оказались там, где оказались – под лестницей. В тот момент я знала только то, что нам непременно нужно отправиться в этот поход. Да и выбора у нас уже не было. Когда я протянула руку к коробке, приставы нас увидели. Теперь они знали, что мы в доме, путь назад был закрыт. Выбираясь из темноты под лестницей, Мот повернулся ко мне.

– Вместе?

– Навсегда.

Мы стояли перед дверью, а по ту сторону ждали приставы, чтобы сменить замки и навсегда изгнать нас из прежней жизни. Нам предстояло покинуть уютный полумрак многовекового дома, бережно защищавшего нас от мира целых двадцать лет. Выйдя за дверь, мы теряли возможность вернуться сюда – навсегда.

Взявшись за руки, мы шагнули на свет.

2. Потери

Когда начался наш поход: в тот день под лестницей или в тот день, когда мы выбрались из машины подруги и остались стоять на обочине под дождем, глядя на разложенные на подстилке рюкзаки? А может быть, он назревал много лет, дожидаясь, пока нам совершенно нечего будет терять, чтобы свалиться как снег на голову?

Тот день в здании суда положил конец битве, которая длилась целых три года, но в жизни все оборачивается не так, как ожидаешь. Когда мы переехали на ферму в Уэльсе, сияло солнце, вокруг бегали наши дети, впереди было светлое будущее. Тогда это была всего лишь груда древних камней в уединенном местечке у подножия гор. Мы вложили всю душу в восстановление фермы, трудясь над ней каждую свободную секунду, пока дети росли, предоставленные сами себе, как цветы. Ферма была нашим домом, нашим бизнесом, нашим убежищем, поэтому я не представляла, что мы лишимся ее в обшарпанном сером зале суда возле развлекательного центра. Не представляла, как все закончится, когда стояла перед судьей, объясняя, что он ошибся. Не представляла, что в этот момент на мне будет кожаная куртка, подаренная детьми на пятидесятилетие. Я вообще не представляла, что такое может случиться.

Сидя в зале суда, я смотрела, как Мот собирает белые пылинки с черной поверхности стола. Я знала, о чем он думает: как мы до этого дошли? Ведь человек, подавший на нас в суд, был его близким другом. Они вместе выросли, вместе катались на велосипедах, играли в футбол, превращались из мальчиков в подростков. Так как же это могло произойти? Они оставались друзьями даже тогда, когда другие их приятели исчезли из их жизни. Жизнь повела их разными путями: Купер подался в финансовый сектор, в котором мы ничего не понимали.

Но Мот все равно поддерживал с ним отношения. Мы доверяли ему достаточно, чтобы согласиться на предложение вложить крупную сумму в одну из его компаний. Со временем эта компания обанкротилась, оставив после себя лишь долги. Купер ненавязчиво поставил нас перед фактом, что мы должны поучаствовать в их выплате. Вначале мы не обращали на это внимания, но потом он стал настойчивей, утверждая, что по договору мы несем ответственность за эти долги. Вначале Мот был больше расстроен потерей друга, чем материальными претензиями, и спор между ними продолжался годами. Мы были убеждены, что не отвечаем за долги, потому что это не было однозначно прописано в договоре, и Мот был уверен, что они с Купером в конце концов сами во всем разберутся. Так продолжалось, пока в нашем почтовом ящике не оказалась повестка в суд.

Наши сбережения быстро улетели на гонорары юристам. И мы стали представлять свои интересы сами, влившись в толпу других самостоятельных ответчиков – после недавнего пересмотра правил оказания бесплатной юридической помощи таких, как мы, были тысячи. По новым правилам нам не полагался бесплатный адвокат, поскольку наше дело считалось «слишком сложным». Реформа сэкономила правительству триста пятьдесят миллионов фунтов в год, но при этом лишила уязвимые слои населения возможности восстановить справедливость.

Единственной доступной нам тактикой было затянуть процесс на максимально долгий срок, чтобы выиграть время и разыскать хоть какое-то письменное доказательство, которое убедило бы судью в истине: что мы правильно истолковали исходный договор и не несем ответственности за долги. Без помощи профессионального юриста мы не смогли переиграть адвокатов другой стороны, и суд постановил использовать нашу ферму как гарантию выплаты долга Купера.

Мы задержали дыхание, и вот он пришел: иск об изъятии нашего дома и земли, каждого с любовью положенного камня, дерева, на котором играли наши дети, отверстия в стене, где свили гнездо лазоревки, отошедшего куска железа у трубы, где жили летучие мыши. Все это суд постановил у нас отнять. Мы продолжали затягивать процесс, подавая апелляции, запрашивая отсрочки, пока не добыли то, что показалось нам спасением: клочок бумаги, доказывающий, что у Купера нет права требовать с нас денег, потому что мы ему ничего не должны. Спустя три года и десять судебных заседаний у нас в руках был документ, способный спасти наш дом. Мы выслали копии судье и юристу истца. Мы были

готовы. Я надела кожаную куртку – вот как я была уверена в себе.

Судья шелестел бумагами, как будто нас в зале не было. Я бросила взгляд на Мота, ища поддержки, но он смотрел прямо перед собой. Последние несколько лет тяжело сказались на нем: густые волосы поседели и поредели, а кожа выглядела нездоровой и бледной. В нем как будто появилась дыра – предательство близкого друга потрясло этого доверчивого, честного, щедрого человека до глубины души. У него постоянно болели плечо и рука, лишая его сил и не давая ни на чем сосредоточиться. Как только все закончится, мы сможем вернуться к своей нормальной жизни и он поправится, думала я. Но вернуться к прежней жизни нам было не суждено.

Я встала, не чувствуя под собой ног, будто по пояс в воде. Листок бумаги я держала в руке, словно якорь. Было слышно, как за окном тревожными голосами пререкаются чайки.

– Доброе утро, Ваша честь. Я надеюсь, вы получили новый документ по делу, отправленный вам в понедельник.

– Получил.

– С вашего разрешения, я хотела бы обратить ваше внимание на этот документ…

Юрист Купера вскочил на ноги, поправляя галстук, как всегда перед обращением к судье. Уверенный в себе, подготовленный – в отличие от нас. Мне отчаянно нужен был юрист.

– Ваша честь, этот документ, который мы оба получили, является новой уликой.

Судья осуждающе посмотрел на меня:

– Это новая улика?

– Ну да, мы получили ее всего четыре дня назад.

– На такой поздней стадии разбирательства новые улики не могут быть представлены суду. Я не могу ее принять.

– Но она доказывает всё, о чем мы говорили вам последние три года. Она доказывает, что мы ничего не должны истцу. Это правда.

Я знала, что случится дальше. Я хотела остановить время, заморозить его, не дать судье произнести следующую фразу. Я хотела взять Мота за руку, встать, выйти из суда и никогда о нем не вспоминать, пойти домой и развести огонь в камине, погладить стены, увидеть, как кошка свернулась у огня. Снова дышать, не чувствуя, как теснится в груди ужас, снова думать о доме без страха его потерять.

– Вы не можете представить суду улики без соответствующей судебной процедуры. Нет, хватит, я перехожу к приговору. Имущество передается во владение истца. Вам предписывается освободить территорию через семь дней, к девяти утра. Так, переходим к издержкам. Вы что-нибудь хотите сказать об издержках?

– Да! Вы совершаете ошибку, где же справедливость? И нет, я не хочу говорить об издержках, у нас все равно нет денег, вы же забираете наш дом, наш бизнес, наш доход, чего вы еще хотите? – Пол покачнулся у меня под ногами, и я схватилась за стол. Только не плакать, только не плакать, только не плакать.

– Я учту это и отклоню иск о взыскании издержек.

Мои мысли куда-то поплыли, пытаясь уцепиться за какую-нибудь соломинку. Мот шевельнулся на стуле, и мне показалось, что от его куртки пахнуло нагретым на солнце гравием и свежестриженными кустами самшита. Об этот гравий дети царапали коленки, когда учились кататься на велосипедах, на нем они буксовали, выезжая со двора в университет на машинах. Розовые кусты были усыпаны цветами, нависавшими над живой изгородью из самшита, как снежки; скоро пора обрезать увядшие соцветия.

– Я прошу права на апелляцию.

– Отказано. Это дело и так слишком затянулось. У вас было много возможностей представить все улики.

Комната как будто уменьшалась в размерах, стены неумолимо надвигались на нас. Никому не было дела, что мы только что нашли этот документ, что в нем содержалась истина; важно было только то, что я нарушила процедуру подачи. Что я буду делать, что мы будем делать, куда я дену кур, кто по утрам будет угощать старых овец хлебом, как мы соберемся всего за неделю, чем мы будем платить за аренду грузовика для переезда, а как насчет семей, забронировавших гостевой домик на праздники, кошек, детей? Как я скажу детям, что мы потеряли их дом? Наш дом? Потеряли, потому что я неправильно поняла процедуру подачи документов. Я сделала простейшую ошибку: не запросила разрешения на представление новой улики. Я не знала, что так было нужно. Я была так счастлива, так уверена в себе, что просто послала документ по почте. Свой идеальный листок бумаги, на котором черным по белому была написана правда. И вот мы всё потеряли. Всё до последнего пенса, и к тому же остались без крыши над головой.

Мы закрыли за собой дверь и пошли по коридору, молча, словно окаменевшие. Краем глаза я увидела в одной из комнат юриста Купера и не остановилась, но Мот зашел туда. Нет, Мот, не надо, не бей его. Я ощутила весь гнев, весь стресс, накопившийся в нас за последние три года. Но Мот лишь протянул юристу руку.

– Все нормально, я знаю, что вы просто выполняли свою работу, но вы-то знаете, что это было несправедливое решение?

Он пожал Моту руку:

– Это решение судьи, не мое.

Я все еще не плакала, но у меня внутри что-то беззвучно взвыло, мешая дышать.

* * *

Я стояла в поле за домом, под кривым ясенем, где зимой 1996 года, когда выпало много снега, дети построили иглу[4 - Иглу – зимнее жилище эскимосов, сделанное из снега или льда.]. Я разломила ломоть белого хлеба на шесть кусков – в последние девятнадцать лет так начинался каждый мой день. Старая овца понюхала мою ладонь, а затем мягкими губами взяла с нее хлеб: к девятнадцати годам зубов у нее не осталось, но аппетит все еще был

отменным. Ее звали Смотин, что по-валлийски означает «пеструха» – это имя придумали ей дети. Старая Смотин была норовистой овцой с неряшливой шерстью и шаткими рогами, точнее с одним рогом, потому что второй она сшибла несколько лет назад, спеша скорей добраться до кормушки. Том подобрал этот рог и положил в свою шкатулку с сокровищами вместе с окаменелостями и картами покемонов. Уезжая в университет, он увез эту коробку с собой. Когда Роуан было три года, мы с ней поехали на соседнюю ферму, стоявшую на холме с видом на море, и купили трех слабеньких пятнистых ягнят на ферме. Роуан так рыдала, когда я не разрешила ей ехать обратно вместе с ягнятами, что я сдалась и загрузила всех четверых в кузов нашего маленького грузовичка, прямо на солому. С тех пор эти овечки стали частью нашей жизни и семьи. Они принесли множество ягнят, но теперь у нас осталась только Смотин – ее сестры умерли, а всех остальных овец я продала другому заводчику год назад, когда думала, что судебное разбирательство дошло до точки и мы вот-вот проиграем. От Смотин избавиться я не смогла. В ее возрасте она была никому не нужна: в среднем овцы живут шесть-семь лет, а потом отправляются на фрикадельки или собачий корм. На следующий день после того, как судья вынес решение по нашему делу, я собрала кур и отвезла на ферму к друзьям, но места для Смотин там не нашлось. Доев хлеб, она медленно побрела по полю среди пушистых головок одуванчиков – она шла под буковые деревья, туда, где всегда пересыхала трава. Мы обе знали это поле так хорошо, как будто оно было продолжением нас самих. Как мы будем жить без него?

Через пять дней мы обе станем бездомными – вот тогда и выясним.

* * *

В тот момент я еще не знала – не могла знать, – что не пройдет и пяти дней, прежде чем моя жизнь бесповоротно изменится, и всё, на что я привыкла полагаться, превратится в зыбучий песок прямо под моими ногами. Это случилось на следующий день.

Мы были в Ливерпуле, в местной больнице, в кабинете у врача. Годами мы откладывали этот визит, и вот нам предстояло получить результаты анализов и наконец узнать, почему у Мота постоянно болит плечо. Он всю жизнь занимался физическим трудом, и один врач как-то сказал ему: «Боль – это нормально, не волнуйтесь, если вам будет больно поднимать руки или если при ходьбе начнете

немного спотыкаться». Других беспокоило то, что у него дрожит рука и немеет лицо. Но сегодняшний врач был лучшим в своей области, профи, главным авторитетом. Он скажет нам, что это поврежденные связки или что-то вроде того, и даст план лечения. Возможно, во всем виновато падение с крыши сарая много лет назад – не исключено, что Мот заработал тогда трещину. В любом случае доктор наверняка объяснит нам, как все исправить. Он сядет за свой стол и авторитетно все расскажет. В этом нет никаких сомнений.

За долгую поездку в Ливерпуль мы не проронили ни слова, каждый погрузился в собственную трясину шока и усталости. Дни, прошедшие с вынесения судебного решения, слились воедино: бесконечные коробки и костры, лихорадочные звонки и отчаяние. До нас дошло, что ехать нам некуда. Случилось худшее, что могло случиться. Эта семичасовая поездка в город и обратно нам сейчас была ни к чему: каждый час был на счету, каждый час, чтобы закончить сборы, каждый час, который еще можно провести в безопасности нашего дома.

Бесконечные поездки к врачам начались шесть лет назад. У Мота появились изнуряющие боли в плече и руке, а затем дрожь в пальцах; врачи тогда подозревали болезнь Паркинсона. Когда эта версия была опровергнута, они предположили, что дело в повреждении нервов. Кабинет сегодняшнего врача ничем не отличался от остальных: квадратная белая коробка с окнами на парковку, лишенная всяких эмоций. Но этот врач не сидел за столом. Он встал, вышел из-за стола, положил руку Моту на плечо и спросил, как он себя чувствует. Что-то было не так. Врачи так себя не ведут. Ни один врач из тех, что мы видели – а видели мы их немало, – так себя не вел.

– Лучшее, что я могу для вас сделать, Мот, это быть с вами честным.

Нет, нет, нет, нет, нет. Молчите, доктор, ничего не говорите, сейчас вы откроете свой самодовольный рот и из него вырвется что-то ужасное; не открывайте его, не надо.

– Я думаю, что у вас кортикобазальная дегенерация. До конца быть уверенными в этом диагнозе мы не можем. Анализов на него не существует, так что точно мы узнаем только после вскрытия.

– После вскрытия? И когда же это случится, по вашему мнению? – Мот положил руки на колени, вцепившись в них своими крупными пальцами.

– Ну, обычно я сказал бы через шесть-восемь лет с начала болезни. Но в вашем случае болезнь, похоже, развивается очень медленно, поскольку с момента появления первых симптомов уже прошло шесть лет.

– Так, может, вы ошиблись, может, это что-то другое? – Я чувствовала, как желудок подступает мне прямо к горлу, а в глазах всё плывет.

Врач посмотрел на меня как на ребенка, а затем стал рассказывать нам про КБД: редкое заболевание, связанное с дегенеративными процессами в мозге. Это заболевание, объяснил он, отнимет у меня мужчину, которого я полюбила еще девочкой, – уничтожит сначала его тело, а затем и разум, спутав сознание и погрузив во тьму старческого слабоумия. В конце концов он потеряет возможность даже глотать самостоятельно и, скорее всего, погибнет, захлебнувшись собственной слюной. И нет ничего, совершенно ничего, что можно было бы с этим сделать. У меня перехватило дыхание, комната поплыла перед глазами. Нет, только не Мот, не забирайте его, вы не можете отнять его у меня, он все, что у меня есть, он и есть я! Нет. Я старалась казаться спокойной, но внутри кричала в голос, паникуя, как пчела, которая бьется об стекло. Реальный мир по-прежнему был здесь, но меня выбросило за его пределы.

– Но, может быть, вы ошиблись?..

Что он такое говорит? Мы умрем не так. Это ведь не только жизнь Мота, это наша жизнь. Мы с ним единое целое, мы давно слились на молекулярном уровне. Нет отдельно ни его жизни, ни моей, только наша, и мы давно запланировали, как собираемся умереть. Когда нам исполнится по девяносто пять, мы поднимемся на вершину горы, в последний раз полюбуемся восходом солнца и просто уснем. В наш план не входило захлебнуться слюной на больничной койке – оторванными друг от друга, одинокими, испуганными.

– Вы ошиблись.

* * *

Вернувшись в машину, мы обнялись и отчаянно так вцепились друг в друга, словно этим можно было остановить происходящее. Если мы прижмемся друг к другу как можно теснее, то ничто не сможет нас разъединить, все случившееся

окажется неправдой и нам не придется с этим жить. По щекам Мота катились слезы, но я не плакала, не могла. Заплакав, я открыла бы путь целой реке боли, которая просто смыла бы меня. Мы с Мотом прожили вместе всю свою взрослую жизнь. Каждая мечта, план, успех или неудача – всё всегда делилось пополам. Мы никогда не бывали порознь, по отдельности, поодиночке.

Никакие лекарства не могли притормозить процесс дегенерации, никакие медицинские процедуры не способны были остановить болезнь. Единственное, что нам предложили, это препарат «Прегабалин» для облегчения боли, но Мот его и так уже принимал. Больше врачи ничем не могли нам помочь. Я мечтала о том, как пойду в аптеку и куплю ящик волшебных лекарств, чтобы остановить парад разрушений, который шествовал по нашей жизни.

«Физиотерапия поможет снизить скованность в движениях», – сказал врач. Но Мот и так каждый день занимался лечебной физкультурой. Возможно, если он будет заниматься больше, нам удастся остановить болезнь. Я хваталась за любую соломинку, за что угодно, лишь бы вытащить себя из удушающего тумана, в который поверг меня шок. Но соломинок не было, никто не протягивал мне руку, чтобы вытянуть на берег, и успокаивающий голос не говорил «все хорошо, это просто страшный сон». Только мы с Мотом держались друг за друга на парковке у больницы.

– Ты не можешь быть болен, я все еще люблю тебя.

Как будто моей любви было достаточно. Ее всегда было достаточно, мне самой никогда больше ничего не было нужно, но теперь любовь не могла нас спасти. До Мота никто не говорил мне, что любит меня. Ни друзья, ни родители, вообще никто. Он был первым, и его слова будто окутали меня сиянием, которое окружало меня на протяжении следующих тридцати двух лет. Но слова были бессильны против режима самоуничтожения, который включился в мозге Мота, против белка под названием тау, блокировавшего нейронные связи в его клетках.

– Он ошибся. Я точно знаю, что он ошибся. – Судья ведь ошибся, так почему бы не ошибиться врачу?

– Я не могу думать, ничего не чувствую…

– Тогда давай считать, что он ошибся. Если мы не будем ему верить, то сможем и дальше жить так, как будто ничего не случилось. – Я отказывалась допускать, что врач прав. Все казалось бессмысленным и нереальным.

– Может, и ошибся. А если нет? Что, если начнется та конечная стадия, о которой он говорил? Я не могу, не хочу об этом думать…

– Не начнется. Мы как-нибудь справимся с этой болезнью.

Я не верю ни в Бога, ни в высшие силы. Мы живем, а потом умираем; круговорот углевода в природе продолжается. Но, пожалуйста, Господи, не дай нам дойти до этой точки. Если Бог существует, Он только что схватил мою жизнь за корни и выдернул ее из земли, перевернув все мое существование. Домой мы ехали, врубив музыку на полную громкость, прячась за шумом. Горы терялись у меня под ногами, а море плескалось над головой, потому что мой мир перевернулся. Когда машина остановилась, я вышла из нее словно вверх ногами.

* * *

Меня преследовали мысли об удушье. Еще много недель после постановки диагноза я в холодном поту просыпалась по ночам, потому что мне снилось, как Мот захлебывается слизью. Как его шея разбухает, а челюсть перекашивается в попытках втянуть хоть немного воздуха, пока он не погибает наконец от удушья, а мы с детьми стоим рядом и смотрим на это, ничем не в силах ему помочь.

* * *

Ласточки прилетели позднее обычного, поодиночке и по двое. Наконец-то добравшись домой после своего грандиозного путешествия, они порхали между буковыми деревьями, глотая насекомых. Вот бы и мне стать ласточкой, свободно мчаться, куда душе угодно, и возвращаться домой, когда захочу. Я разломила хлеб, чтобы угостить Смотин, и вышла в прохладу июньского утра. Воздух был нежным и легким, он ласкал мои щеки, обещая чудесный день. Я протиснулась в узкий проход между кустами дикой груши, из которой состояла живая изгородь. Эти кусты я как-то купила на распродаже в питомнике. Они продавались как бук, но выросли в колючие кустики с мелкими листьями, без плодов и с дурным

характером – каждый раз, проходя мимо, я за них цеплялась. Я потерла свежие царапины на руке, алевшие среди старых, уже затянувшихся и побледневших. Теперь заниматься обрезкой изгороди не было смысла. Поле было теплым, и зацветающий клевер наполнял его сладким ароматом меда. Ночью здесь снова резвились кроты, и тут и там виднелись бугорки свежей земли. Я на автомате разровняла их ногой, продолжая по привычке заботиться об этой земле – о нашей земле. Мот когда-то отвоевал это поле у огромных сорняков. Он наотрез отказывался пользоваться пестицидами, а трактора у нас еще не было, так что он вручную выкосил все два акра, убрал мусор, выкопал крапиву. Затем он восстановил окружавшую поле каменную изгородь, сложив из десятилетиями валявшихся на земле камней аккуратную стену. В этом поле дети наших гостей собирали еще теплые, только что снесенные яйца, а по весне кормили ручных ягнят. Здесь мы бессчетное количество раз играли всей семьей в крикет и лежали в высокой, еще не скошенной на сено траве, любуясь звездопадом. Наша земля.

Смотин нигде не было видно. По утрам она всегда подходила к изгороди за своим куском хлеба. Всегда. Отправившись ее искать, я уже знала, что увижу. Она лежала в своем любимом местечке под буками, вытянув в траве голову, будто спала. Она знала. Знала, что не сможет покинуть свое поле, свое место, и просто умерла. Положила голову на землю, закрыла глаза и умерла. Я погладила ее мохнатую морду, в последний раз провела рукой по кривому рогу, и у меня внутри все сжалось. Больше сдерживаться я не могла. Отдавшись отчаянию, я свернулась калачиком в траве рядом со Смотин и разрыдалась. Я содрогалась от рыданий, пока у меня не кончились слезы, пока мое высохшее от потерь тело не замерло, полностью опустошенное. Перед моим лицом колыхалась трава, над головой шумели буковые деревья, а я лежала и пыталась умереть, освободиться и отправиться к Смотин, чтобы беспечно летать с ласточками и никогда не покидать ферму, никогда не видеть медленной гибели Мота. Позволь мне умереть сейчас, пусть я умру, не оставляй меня одну, дай мне умереть.

Я взяла лопату и начала рыть землю, чтобы похоронить Смотин в ее поле, рядом с сестрами. Подошел Мот, и мы вдвоем молча копали яму, отказываясь говорить, отказываясь признавать реальность растущей ямы. Чернота, в которую мы заглянули накануне, была слишком страшной, слишком новой, чтобы мы признали ее реальность, даже в теории. Я накрыла голову овцы кухонным полотенцем – мы не могли смотреть, как ей на морду падает земля. Она умерла. Все кончилось. Вместе с ней мы похоронили ту мечту, которой была для нас наша ферма.

3. Сейсмический сдвиг

Когда мы навсегда покинули свой дом, у нас было две недели на то, чтобы вывезти свои немногочисленные пожитки в сарай к другу и придумать какой-то план действий. Дети не могли нам помочь: они оба еще учились в университете, снимали жилье вместе с другими студентами и едва сводили концы с концами. Брат Мота как раз уехал в отпуск и пустил нас пожить к себе, но через две недели он вместе с семьей должен был вернуться, и нам предстояло куда-то съехать. Мы находились всего в двадцати милях от дома, совсем рядом, но вернуться туда не могли. Это была пытка. В шоке от расставания со своим домом, не в силах осознать новость, услышанную от врача, мы провели первые дни как во сне, в каком-то тумане.

Голос разума настаивал, что нам нужно поскорее найти работу и съемное жилье. Мы ведь потеряли не только дом, но и свой маленький гостиничный бизнес, так что источника дохода у нас не осталось. Чтобы заново отстроить жизнь, нужна была работа. Но ведь не исключено, что времени нам оставалось всего ничего, прежде чем здоровье Мота окончательно пойдет на спад – сначала паралич, а за ним смерть. Я не могла оставить его дома и выйти на работу, я чувствовала необходимость проводить с ним каждую драгоценную минуту, пока он относительно здоров. Я хотела сберечь как можно больше воспоминаний, чтобы потом, когда останусь одна, перебирать их, словно сокровища.

Я ненавидела врача, который сообщил нам диагноз. «Лучшее, что я могу для вас сделать, Мот, это быть с вами честным». Это было худшее, что он мог сделать. Лучше бы он промолчал и позволил мне и дальше жить в неведении. Я не хотела видеть черную пропасть своего будущего при каждом взгляде на Мота. Эти дни мы пережили так, будто только что вернулись с поля боя, израненные, испуганные и потерянные.

Мы могли бы поселиться в палатке, пока не найдем варианта получше, но даже самое дешевое место в организованном кемпинге стоило восемьдесят фунтов в неделю – для нас это было слишком дорого, а пособие, положенное бедным на оплату жилья, не разрешалось использовать для оплаты туристического лагеря. Ни у кого из знакомых не было ни свободной комнаты, ни места в саду, куда нас могли бы пустить больше чем на несколько недель. Нам нужно было место,

чтобы собраться с мыслями и осознать произошедшее. Стояла середина лета, самый сезон отпусков, и все дома на колесах уже арендовали туристы, причем задорого.

В идеальном мире мы нашли бы съемное жилье, но когда твой дом отобрали за долги, арендовать что-то практически невозможно. Банки считали нас неплатежеспособными и отказывали в кредите. Мы могли бы встать в очередь за муниципальным жильем для бедных, но наш случай не считался приоритетным, и пока нам могли предложить только комнату в общежитии для наркоманов и алкоголиков. Темноволосая девушка с тугим хвостиком и сильным валлийским акцентом, принявшая нас в отделе социального обеспечения, сказала:

– Ну если вы не умрете совсем скоро, хотя бы в течение года, то вы не так уж и больны, верно? Судите сами, вот и как мне тогда считать ваш случай приоритетным?

В этот момент мы точно поняли, что лучше поселиться в палатке.

Вернувшись домой к брату Мота, я уставилась в окно, оцепеневшая, не в силах больше ничего придумать.

– Я даже рад. Не представляю, как бы мы поселились в муниципальном жилье так близко от фермы. У меня бы сердце не выдержало.

Кроме того, мы бы сделались темой для разговоров всех соседей на много месяцев вперед – в деревне все знали всё про всех.

– Это факт. На ферме мы могли бы укрыться ото всех, да? На нашем острове.

Ферма была для нас именно что островом, во всех смыслах слова. Как только мы съезжали с дороги и углублялись в лес, весь мир оставался где-то далеко. Постепенно сквозь деревья проступал вид на ферму – и как будто открывалась другая вселенная: со всех сторон старые поля, разделенные живыми изгородями. Впереди тянулась гряда гор, величественных и высоких на западе, уходящих вдаль на востоке, а между ними змеилось нежное гладкое облачко. Крупный сарыч, расправив крылья, кругами уходил в небо и зависал в голубом воздухе, где-то между вершинами деревьев и горами. Как только лес за нами смыкался, мир дорог, деревень и человеческого шума оставался далеко позади.

Но теперь, лишившись своей безопасной гавани, мы неслись на плоту отчаяния вниз по течению, сквозь густой туман, не зная, где пристанем к берегу, да и будет ли он вообще, этот берег.

Мот стоял у окна, глядя на заросли вереска и дрока на склоне холма. Как бы дома, но не дома.

– Кажется, я не выдержу, если мы здесь останемся. Нам нужно уехать из Уэльса, оставаться слишком больно. Не знаю, что мы будем делать дальше, я даже не знаю, сколько мне осталось жить, но сейчас мне нужно уехать отсюда подальше. Нужно найти другое место, которое станет нам домом.

Я набрала в легкие побольше воздуха.

– Тогда давай укладывать рюкзаки, а дальше будем думать на ходу.

– Решено. Отправляемся в путь по юго-западной тропе.

* * *

Укладывать рюкзак в двадцать лет и в пятьдесят – две разные истории. В последний раз мы ходили в поход еще до рождения детей, у Мота еще были длинные волосы, а я была на стоун[5 - Один стоун равен 6,35 кг.] легче. Тогда мы просто покидали в рюкзаки всё, что показалось нам нужным, и отправились в путь, несмотря на тяжесть. Наши молодые тела легко восстанавливались после травм и растяжений. Маршрут лежал через Озерный край в Шотландии, и мы ежедневно проходили много миль, но ночевать останавливались на организованных кемпингах, почти никогда не разбивая палатку в случайном месте, «дикарями». Прошло тридцать лет, из которых двадцать я занималась тяжелым физическим трудом – такого рода нагрузка наносит организму повреждения, которые никогда не проходят полностью и в любой момент могут напомнить о себе. Кроме того, в последние три года, пока шел суд, я подолгу горбилась над ноутбуком, пытаясь построить для нас линию защиты, и теперь мои потерявшие подвижность суставы на каждом шагу грозили мне растяжениями и травмами. А Мот? Как он потащит тяжелый рюкзак? Мы попробовали сложить вещи как в прежние времена и оптимистично взвалили этот вес Моту на спину. В рюкзак на шестьдесят литров поместилась только

наша старая оранжевая палатка и два чуть ржавых котелка. Дважды обойдя вокруг комнаты, Мот со стоном опустился на колени.

– Сними его с меня. Не могу.

– Значит, нам придется задуматься о другом снаряжении. Для начала о палатке полегче.

– У нас нет на это денег.

Почти все деньги, заработанные за последний год, ушли на судебное разбирательство и на пропитание, пока мы занимались тяжбой. К тому же оба наших ребенка учились в университете. Я вернула аванс всем, кто забронировал гостевой домик на лето, и у нас осталось триста двадцать фунтов. Правда, еще мы каждую неделю получали сорок восемь фунтов[6 - Около 60 американских долларов.] пособия от государства: Мот уже почти не мог работать, и мы жили за счет дохода от сдачи гостевого домика. Это было так мало, что мы получили право на государственную помощь для малоимущих. Даже это небольшое пособие требовало постоянного адреса, поэтому мы зарегистрировали его на адрес фермы и договорились на почте, что все наши письма будут пересылать брату Мота. Сорок восемь фунтов в неделю. Можно ни в чем себе не отказывать.

Я перечитала «Прогулку длиной 500 миль» и еще раз сказала себе, что нам это по плечу. Марк Уоллингтон с легкостью прошел юго-западную береговую тропу из конца в конец с прокатным рюкзаком и лохматой псиной. Мы тоже справимся. Но нам придется пойти в обратном направлении, от Пула к Майнхеду. Первый отрезок пути, от Майнхеда до Падстоу, казался самым сложным, а последний, от Плимута до Пула, самым легким. Логичнее было отправиться в обратном направлении и дать себе время адаптироваться к походной жизни, прежде чем тропа станет особенно крутой. Оставалось только найти подходящий путеводитель. Однако очень скоро оказалось, что не существует путеводителей для маршрута в обратном направлении, с юга на север, – все они без исключения вели с севера на юг. Я перерыла все книжные полки в магазине туристического снаряжения, но в их огромной секции путеводителей не было того, что мне нужно. Бедная продавщица безропотно терпела мое благородное негодование.

– Как вы не понимаете, мне нужно идти в обратном направлении, начало пути должно быть попроще. Марку Уоллингтону было двадцать с хвостиком, у него и

проблем-то никаких не было, кроме вылетающих заклепок. – Я чувствовала, что краснею от злости, паники и жалости к себе и что мои заклепки вот-вот вылетят.

– Простите, мэм, такого путеводителя просто не существует. – Худенькая продавщица тихонько ускользнула, а я села среди полок и загрустила. Если нам придется начать со сложного участка, не факт, что Мот вообще выдержит первую неделю пути. И что тогда? Я была не готова думать о том, «что тогда», мозг включал режим самозащиты. Все, о чем я могла думать, была тропа, наш поход: больше я ничего не видела. Мы приценились к подробным картам Картографического управления, но если бы мы купили карты всех участков, необходимые нам для похода, получилось бы слишком дорого и тяжело.

– Рэй, я не готов на протяжении пятисот миль читать путеводитель задом наперед. Значит, мы просто выйдем из Майнхеда и пойдем очень, очень медленно, – Мот гладил меня по голове, но мне хотелось только забраться в спальный мешок и расплакаться. Не раскисай. Ты должна быть сильной, это ведь не тебе предстоит умереть от удушья. Я едва сдерживалась, и вывести меня из равновесия было легче легкого.

Нам нужно было выбрать книгу, и, как следует приглядевшись, мы поняли, что выбора нет. Маленькая коричневая книжка Пэдди Диллона «Юго-западная береговая тропа: от Майнхеда до мыса Саут-Хейвен» в непромокаемой обложке и с подробной картой всего пути так удачно ложилась мне в руку и в карман Моту, что мы сразу же ее купили. Листая путеводитель за чашкой чая, мы поняли: когда Марк шел по тропе со своей собакой, он либо сбился со счета, либо что-то пропустил, либо за прошедшие с написания его книги десятилетия некий сейсмический сдвиг волшебным образом удлинил Корнуолл, потому что тропа теперь насчитывала не пятьсот миль, а шестьсот тридцать.

* * *

Нам пришлось купить кое-какое новое снаряжение – это было неизбежно. Крупные металлические замки на старом рюкзаке Мота заржавели и заклинивали, а у моего рюкзака порвался непромокаемый чехол, и теперь он пропускал воду. Стоимость качественной починки оказалась неподъемной. Два новых рюкзака обошлись бы нам почти в двести пятьдесят фунтов. После долгих поисков мы наконец купили два простых рюкзака, они стоили в два раза дешевле, чем один фирменный. Безо всяких наворотов, но достаточно

функциональные. В следующие несколько дней мы сосредоточились на рюкзаках: набивали их, разбирали, паковали, распаковывали и ходили в них по дому. Ничего не получалось. Все, что мы хотели взять с собой, никак не помещалось.

– Нет, Рэй, рюкзак побольше я тащить не смогу. Давай поступим так же, как при отъезде с фермы. Давай еще раз всё перепакуем и возьмем только то, без чего нам точно никак не выжить. Больше ничего. Тогда, может быть, я справлюсь.

– Палатка слишком громоздкая. Она не влезает и слишком тяжелая для твоего плеча, но у нас нет денег на новую. Положение безвыходное.

– Может, поищем на сайте eBay?

Сделав ставку, мы напряженно ждали окончания аукциона, гадая, удастся ли нам купить то, что станет нам домом до конца лета, а может быть, и дальше. Три секунды… две… одна, и мы выиграли! У нас появилась почти новая палатка «Ванго» весом три кило – в четыре раза легче старой и во много раз меньше! Мы станцевали победный танец вокруг кухонного стола: за тридцать восемь фунтов мы только что купили себе новый дом.

Я позвонила нашей дочери Роуан в приступе отчаянной радости. Мне нужно было поделиться с ней этой крохой хороших новостей, хоть немного разрядить тяжелую атмосферу, которая установилась между нами в последние две недели беспросветной тоски. Я хотела снова стать для нее всемогущей мамой и все исправить, но как только в трубке послышались гудки, я пожалела о своем порыве. Да, дети выросли и поселились отдельно, но дом, который мы потеряли, был и их домом. Мот был их отцом, и принять его болезнь им было ничуть не проще, чем мне. Эти недели в корне меняли наши отношения с детьми: происходили события, от которых я не могла их защитить. Расстановка сил менялась, и меня это просто убивало. Я оказалась к этому не готова. Однако выяснилось, что мы их отлично воспитали. И сын, и дочь оказались на удивление адекватными взрослыми и были готовы ко всему. Это я по-прежнему пыталась оберегать их от мира и от любых проблем. Если я не буду тем человеком, который защищает их от бед, то кем же я стану? Это была последняя капля того, что в глубине души я считала «собой». Что останется, если исчезнет и она? Ничего.

– Что ты такое говоришь, мам, ты с ума сошла? Что, если он упадет со скалы? – голос Роуан вернул меня к реальности. – У вас нет денег, что вы собираетесь есть? Ты что, действительно считаешь, что вы сможете провести остаток лета в палатке? Но как? Папа иногда со стула встать не может, что будет, если у него случится приступ на скале? Где вы будете ставить палатку? Ты знаешь, сколько стоят места на кемпинге? Ты уже сказала Тому?

– Я знаю, Роу. Это полное безумие, но что нам остается? Мы не можем просто сидеть и ждать, когда государство выделит нам жилье, не такие мы люди. Нам нужен этот поход. Пока мы вместе, у нас все будет в порядке, не волнуйся.

Телефонная линия потрескивала в наступившей тишине.

– Я вышлю тебе новый мобильный, с нормальной батарейкой. Звони мне каждый день и бери трубку, когда я тебе звоню. И скажи Тому.

– Хорошо, Роу, я тебя тоже люблю.

* * *

– Привет, Том. Мы с папой решили пойти в поход по юго-западной береговой тропе. Это, наверное, займет не меньше двух месяцев, а может, и три.

– Ладно.

– Мы пройдем шестьсот тридцать миль и всю дорогу будем жить в палатке.

– Это круто.

Наш неуемный гиперактивный малыш вырос в мужчину не просто спокойного, а нездорово спокойного; а наша маленькая королева блесток и диско внезапно решила стать мне матерью.

А я сама, кем стала я? А Мот? Хватит ли нам шестисот тридцати миль, чтобы найти ответы на эти вопросы?

* * *

Через три дня нам доставили палатку, и мы собрали ее в гостиной: широкий и низкий купол зеленого цвета, который на полу выглядел шапкой мха на гранитном утесе. Мы разложили свои самонадувающиеся туристические коврики и забрались в сверхлегкие спальники, купленные по пять фунтов в супермаркете. Я вскипятила чай на крошечной походной горелке, и мы устроились в дверях палатки смотреть по телевизору «Мир садовода». Когда передача закончилась и мы попытались встать, оказалось, что Мот не может пошевелиться. Как он ни старался, встать у него не получалось. Наконец я вытащила его из палатки прямо в спальнике и поставила на ноги.

– А что, может быть, Роуан права? Это, пожалуй, не самое мудрое решение в нашей жизни.

– Разве мы когда-то искали легких путей?

* * *

Мы в последний раз укладывали рюкзаки, зная, что если мы что-то забудем или не сможем втиснуть, то нам придется обходиться без этого все лето. О покупке новых вещей не могло быть и речи: на это не было денег. Хорошо, если их хватит хотя бы на еду, особенно с учетом необходимости покупать продукты на побережье в разгар сезона отпусков.

Возле каждого рюкзака росла груда вещей, которые мы хотели взять с собой. Они явно туда не помещались, но мы все равно пытались их впихнуть. Я первым делом уложила одежду – самый минимум на два месяца, – и рюкзак сразу же заполнился наполовину. Делать было нечего, другого варианта сэкономить место не было. Разложив вещи по дивану, я отобрала только то, без чего никак не смогу обойтись. Старый хлопчатобумажный купальник, три пары трусов, пара носков, безрукавка, леггинсы и футболка с длинными рукавами, чтобы спать. Все остальное я надену на себя: еще одну пару леггинсов, короткое вискозное платье в цветочек, купленное в секонд-хенде, хлопчатобумажную безрукавку, толстые красные носки и дешевую куртку из флиса. Вот и всё.

Я скатала одежду в шарик и в непромокаемом мешке положила на дно рюкзака. Потом уложила все остальное. Самонадувающийся коврик, крошечную газовую плитку, баллончик с газом, сковородку из нержавеющей стали со складной ручкой, спички, эмалированную тарелку и кружку, ложку и пластиковую ложку-вилку, маленькую походную подушку, спальник (упакованный в чехол, он помещался в боковой карман), непромокаемую куртку и леггинсы. Затем всю ту мелочевку, без которой, мне казалось, я не смогу обойтись: фонарик, блокнот и ручку, складную зубную щетку и маленький тюбик зубной пасты, шампунь, быстросохнущее синее полотенце, гигиеническую губную помаду, туалетную бумагу, влажные салфетки для лица, мобильный телефон, складную зарядку к нему, двухлитровую пластиковую бутылку воды, которую я пристегнула к рюкзаку сверху ремнями. И кошелек со ста пятнадцатью фунтами – все, что у нас оставалось, – а также банковскую карточку. Мне же предстояло нести и еду: основную часть мы собирались покупать по пути, но для начала у нас была с собой жестянка с концентрированным сахаром, который был в объеме в два раза меньше обычного, пятьдесят чайных пакетиков, две пачки риса и две макарон, фрикадельки долгого хранения в пластиковой упаковке, почему-то оранжевого цвета, банка консервированной скумбрии, батончики-мюсли и две шоколадки «Марс». Это был наш неприкосновенный запас, который мы планировали хранить на крайний случай и, если что, пополнять по пути.

Я с трудом закрыла рюкзак и затянула ремнями. Он был переполненный, тугой, как футбольный мяч. Когда я села на него, он ничуть не промялся под моим весом.

Рюкзак Мота был очень похож на мой, хотя вместо платья в цветочек у него были армейские штаны, которые можно было закатать до колен, превратив в шорты. У него также была аптечка, перочинный ножик и маленькая подзорная труба, чтобы рассматривать путь впереди. Во внутреннем кармашке лежало тоненькое издание «Беовульфа» в переводе Шеймаса Хини[7 - Шеймас Хини (1939–2013) – ирландский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе.] – эту книгу вот уже много лет Мот брал с собой в любую поездку. Вместо продуктов и походной кухни он нес палатку, пристегнутую к рюкзаку снаружи. Путеводитель Пэдди Диллона он положил в наколенный карман штанов, и вот мы были готовы трогаться в путь.

Взвесив рюкзаки, мы обнаружили, что они весят почти одинаково: каждый по восемь кило. Мне казалось, что для Мота это слишком тяжело, но он все равно поднял свой рюкзак и сунул руку в лямку.

Просунуть вторую руку в другую лямку он не смог из-за больного плеча, мне пришлось приподнять рюкзак снизу и помочь ему. Это нужно было делать до того, как я надену собственный рюкзак, потому что с ним на спине я не могла поднять руки достаточно высоко, чтобы надеть лямку на плечо Моту. Затем я надела свой рюкзак: сначала оперла его о колено, перекинула на спину и продела в лямку одну руку, а потом Мот приподнял его снизу, чтобы я смогла надеть и вторую лямку. Легкотня.

Мы стояли рядышком, словно две черепахи, которые упали на спину и не могут перевернуться.

– Это безумие.

Безумие, но выбора у нас не было. Если мы откажемся от своей затеи, нам придется задуматься о том, что жизнь не закончится с окончанием лета, и о том, что нас ожидает дальше. Мы были к этому не готовы.

– Приходится признать, что мы уже не такие супергерои, как раньше.

Мы загрузили рюкзаки в машину и отправились на юг, подальше от всего, что с нами случилось. Это всё был сон. Сон, а не реальность. Мы уезжали прочь от двадцати лет семейной жизни и работы, от всего своего имущества, от надежд, мечтаний, будущего, прошлого. При этом нас не ждало никакое новое начинание, жизнь не предлагала нам второго шанса. Земля разверзлась у нас под ногами, и мы оказались на краю пропасти, через которую невозможно перебраться. Чтобы спастись от нее, мы притворились другими людьми и просто сбежали. Что ждало нас впереди? Поход, только поход.

4. Праздношатающиеся и бродяги

Краткая справка о проблеме бездомных

Если попросить случайного человека описать типичного бездомного, как правило, он скажет, что это бомж, который спит на улице в грязном тряпье, иногда с собакой, и клянчит у прохожих деньги на алкоголь или наркотики. Этот

стереотип вызывает у людей самые разные эмоции – кто-то равнодушно проходит мимо, кому-то становится не по себе, а кто-то откровенно раздражается. Но большинство людей представляют себе бездомных именно так.

Исследования, проведенные благотворительным фондом «Крайсис» и Фондом Джозефа Раунтри, показали, что в 2013 году в Великобритании как минимум 280 000 семей назвали себя бездомными или на грани бездомности. Эти семьи официально подали заявки на регистрацию как бездомные. Однако из этих 280 000 заявок государство приняло только 52 000, посчитав, что у остальных есть родные или друзья, которые могли бы их приютить. Из оставшихся 228 000 многим оказали помощь муниципальные власти. Итого, 280 000 семей обратились за помощью из-за отсутствия жилья. Сколько человек было в каждой семье – неизвестно.

К сожалению, цифры на удивление противоречивы. По данным правительства, во всей Англии в 2013 году на улицах ночевало 2414 людей, но эти данные собирались единственный раз, всего за одну ночь. При этом исследования организации «Чейн» (что расшифровывается как «Комбинированная сеть информации и бездомности»), которую финансирует Администрация Большого Лондона, показывают, что только на улицах Лондона в 2013 году жило 6508 человек. Правительственная статистика тех же данных, собранная одноразовым методом, называет цифру 534 – удобный способ подсчета для тех, кто предпочитает смотреть на проблему сквозь пальцы. А что происходит с остальными официально бездомными людьми, а также со всеми прочими – со сквоттерами, с теми, кто хорошо умеет прятаться, с теми, кто ночует по диванам у знакомых, с теми, кто даже не вошел в статистику? Ведь в статистику попали только те, кого нашли непосредственно на улицах, либо те, кто подавал документы на регистрацию. В 2013 году на улицах Лондона спали 6508 человек – или, если не приглядываться, всего 543 человека. А что же все остальные?

Существует законодательство, которое позволяет британской полиции защищать население от бездомных, в частности Закон о бродяжничестве 1824 года. Он вошел в силу в то время, когда в публичных местах практиковались многовековые законы против всех, кого власти считали «подозрительными». Алан Мерди, юрист, ведущий колонку в журнале The Pavement, в своем описании этой дискриминирующей практики пишет, что подозрительными считались самые разные люди – от цыган, актеров, проституток, предполагаемых ведьм, художников и попрошаек до бездомных.

Крестьянское восстание[8 - Также известно как восстание Уота Тайлера; крупное крестьянское восстание в Англии в 1381 году, при Ричарде II.] привело к появлению первого закона о запрете попрошайничества в 1381 году, который никто не соблюдал до появления мер против бродяг в 1547 году, после роспуска монастырей[9 - Ликвидация монастырей и конфискация их имущества в казну при Генрихе VIII, в результате которой остались бездомными более 10 000 монахов.]. По мере того, как в результате Законов об огораживании земель и промышленной революции бездомных становилось все больше, больше становилось и законов против них. Затем в 1744 году Закон о бродяжничестве лег в основу всего последующего законодательства на эту тему. В нем бездомные люди описаны как «попрошайки, праздношатающиеся и бродяги», а рецидивисты в этих категориях именуются «неисправимыми бродягами». Закон дал властям право арестовывать любого человека, которого сочли подозрительным или неспособным себя содержать. К сожалению, начиная с 1731 года местные власти были обязаны выплачивать по пять шиллингов любому, кто задержит «праздношатающуюся или непорядочную личность». Это привело к злоупотреблению законодательством: в течение первого же года таким образом было арестовано более пятисот человек.

После окончания войн с Наполеоном бездомных на улицах вновь прибавилось, и зазвучали призывы ввести более строгое законодательство против бродяжничества. Так был принят Закон о бродяжничестве 1824 года, который частично остается в силе и сегодня, хотя и претерпел немало изменений. Его первая часть все еще используется для борьбы с попрошайками наряду с Законом об уголовном правосудии 1982 года и описывает «праздношатающихся лиц, нарушающих общественный порядок», как «всех, кто бесцельно слоняется вне своего дома или располагается в публичном месте, на улице или проезжей дороге, с целью попрошайничества или сбора милостыни». Четвертый раздел позволяет к «праздношатающимся и бродягам» причислить «всех, кто бесцельно слоняется вне своего дома и селится в любом сарае, амбаре или надворной постройке либо же на открытым воздухе, в палатке, в любой повозке или телеге, не имея очевидных средств к существованию и не будучи способным убедительно отчитаться о своих обстоятельствах».

В 2014 году, спустя год после того, как мы отправились в поход по юго-западной береговой траве, вступил в силу Закон об антисоциальном поведении, преступности и поддержании порядка. В нем содержатся приказы о защите общественного порядка, которые позволяют властям арестовывать всех, кого можно счесть источником беспокойства для других, и принуждать их «покинуть данную местность и больше в нее не возвращаться». Эти приказы сегодня

используются в самых разных целях – от причудливого запрета на «нарушающих общественный покой овец» в районе Форест-оф-Дин до ограничений на ношение клюшки для гольфа в публичных местах. Но говоря попросту, если вы покажетесь местным властям подозрительными, они могут вас прогнать или арестовать. Это позволило местным властям законодательно запретить многие связанные с бездомностью действия: праздношатание, попрошайничество, ночевки на улицах и так далее. Нарушение этих законов они вправе карать штрафом в размере сотни фунтов, а неуплата наказывается штрафом уже в тысячу фунтов и постановкой на учет. И даже не вздумайте попрошайничать или, скажем, показываться в приличном районе с невоспитанными овцами.

Страх перед бездомными сегодня так же вездесущ, как и раньше. Автоматически считается, что любой бездомный человек должен быть алкоголиком, наркоманом или сумасшедшим. Хотя эти проблемы действительно распространены среди бездомных, они скорее не причина, а результат жизни на улицах. Именно этот вездесущий страх, а также опасения, что бездомные отпугнут из города туристов, лежит в основе попыток лондонских властей запретить людям жить на улице и объявить благотворительные столовые для бездомных незаконными. Неужели лучшее решение проблемы – это уморить неугодных общественности людей голодом?

Бродяги, бомжи, праздношатающиеся – как ни называй бездомных, факт в том, что летом 2013 года мы пополнили их ряды.

Часть вторая

Юго-западная береговая тропа

Перспектива несколько недель идти пешком, каждую ночь останавливаясь в разных местах и не забывая постоянно пополнять запасы провизии и воды, может казаться пугающей, но при тщательном планировании это не составит никакой проблемы.

Пэдди Диллон. Юго-западная береговая тропа: от Майнхеда до мыса Саут-Хейвен

5. Бездомные

Мы могли бы добраться до Тонтона[10 - Тонтон – город в графстве Сомерсет, на юго-западе Великобритании.] уже через два дня. Случись так, мы, вероятно, не попали бы в самую адскую жару. Но добраться туда вовремя нам помешали ангелы.

Много раз мы ездили по шоссе M5, и всегда спешили, всегда у нас были какие-то планы. Теперь же спешить было некуда, и сбить нас с пути оказалось очень легко.

– Сколько раз мы проезжали указатель на Гластонбери со словами «в следующий раз заедем обязательно»? Давай съездим туда хоть на часок. Мы все равно сегодня успеем добраться до дома Джен, а там бросим машину и через два дня отправимся в путь, как и планировали.

Джен, подруга Мота из города Йовил, согласилась нам помочь чем могла. Спешить к ней было незачем – можно было спокойно подняться на Холм святого Михаила, полюбоваться видом и поехать дальше.

– А почему бы и нет, давай.

Вокруг Холма святого Михаила, где археологи нашли следы человеческих поселений периода железного века, существует тьма кельтских мифов и легенд. Как и в каждой третьей деревне на западе Великобритании, в Гластонбери утверждают, что именно здесь разворачивались события из легенд про короля Артура. Мы совсем недавно проехали мимо озера в Уэльсе, куда Артур предположительно бросил свой меч, так что сделать крюк в Гластонбери показалось нам логичным. Мне так и не удалось понять, ни почему король бриттов решил бросить свой знаменитый меч в ничем не примечательное серое озеро у обочины шоссе, ни зачем он задержался в Гластонбери достаточно надолго, чтобы напитаться энергией лей-линий и вдохновить жителей на строительство кучи эзотерических магазинчиков. Возможно, что-то прояснит наш визит— или хотя бы визит в крепость Тинтейджел, через которую пройдет наш путь в Корнуолле, если, конечно, мы туда доберемся.

После долгой и печальной поездки мы с удовольствием вышли из машины и размяли ноги, поднявшись на холм. На мобильный телефон мы фотографировали долины Сомерсета, а также американских и китайских туристов, любующихся тем, как мы фотографируем их, любующихся долинами Сомерсета. Затем мы спустились назад в городок: место скопления всего альтернативного и эзотерического, а также, к нашему удивлению, бездомных людей. Они сидели в дверях и нишах домов на тряпках и спальных мешках, перед многими стояли миски для милостыни. Парень лет двадцати устроился между помойкой и водосточной трубой, перед магазином магических кристаллов. Сквозь потрепанную одежду, немытые волосы и драную шляпу проглядывал розовощекий, белозубый, ясноглазый выпускник частной школы. Мы сидели с другой стороны дороги и ели пирог, благословленный магическими кристаллами, глядя, как парень виртуозно собирает с прохожих деньги. К несчастью для его менее удачливых коллег, его идеальная улыбка и прекрасный выговор явно производили благоприятное впечатление на богатую местную публику.

– Посмотри-ка. – Этот плакат я видела по всему городу. – Исцеление с помощью ангелов в Хэвенли-Энд. Три фунта за билет, начинается через двадцать минут. Раз уж нас занесло в Гластонбери, пошли сходим, просто ради местного колорита? Чуть развлечемся перед дорогой, а потом отправимся дальше.

А вдруг это окажется не просто жульничество, вдруг Моту это поможет?

– Нет.

– Ну ладно тебе, пойдем шутки ради.

Бродя по площади в поисках нужного адреса, мы увидели, как уже знакомый нам красивый парень-попрошайка зашел в общественный туалет. Вышел он оттуда преображенным: драную куртку убрал в рюкзак, достал оттуда скейтборд и лихо покатился в сторону банка. Выглядел он теперь как крутой сёрфер. Сидя на скамейке, мы наблюдали, как он вышел из банка, снова переоделся в драную куртку и занял свой пост у помойки. Очевидно, попрошайничество в Гластонбери считалось вполне достойной карьерой.

Дверь нам открыла женщина в белом.

– Здравствуйте, меня зовут Мишель, добро пожаловать в Хэвенли-Энд. Я не объясняю ничего, что здесь происходит, только помогаю ангелам указать вам путь.

Она провела нас в гостиную.

– Вот вам плед и подушка, найдите местечко и располагайтесь. Все уже здесь.

Комната была полна людей, которые вплотную друг к другу, как селедки в банке, лежали на полу и диване, а также сидели на стульях, послушно накрывшись пледами и закрыв глаза. Я с трудом пробралась к свободному пятачку, оглянувшись на Мота, который скептически приподнял бровь.

– Я включу музыку, которая поможет нам призвать ангелов.

Для подготовки публики Мишель завела музыку, в которой южно-американские дудки сочетались с песнями китов. Она также зажгла ароматические травы, наполнившие комнату дымом «небесного дыхания». Затем она призвала своих ангелов:

– Гавриил с юга уже здесь, он несет с собой синий свет. Впитайте этот свет через пальцы ног.

Затем другие ангелы принесли с собой еще много разных светов, и мы лежали, впитывая их ангельскую силу, в жаркой, тесной, пахучей радуге. Если в комнате и впрямь пахло ангелами, то мне в раю будет просто отлично. В студенческие дни я часто вдыхала этот запах, но мы называли его отнюдь не «небесным дыханием».

– Дышите глубоко, пусть сила ангелов коснется ваших больных мест, ваших ног и рук, вашего сердца и мозга, вашей печени, ваших… ваших… э-э-э… почек. И расслабьтесь.

Музыка смолкла, вся комната тихо дышала. Тишину нарушил знакомый храп – вначале негромкий, как обычно, но постепенно нарастающий. Я приподнялась на локте: все селедки лежали, послушно вдыхая и выдыхая, и только Мот спал крепким сном и раскатисто храпел.

– Попрощайтесь с ангелами и вернитесь в свое тело, а затем – в мир.

Все сели и начали тихо сравнивать свои ангельские путешествия: кто плавал с китами, кто летал с птицами, кто ходил по воде. Я была довольна и тем, что на три фунта подышала «небесным дыханием». Мот продолжал храпеть, и я толкнула его в бок:

– Мот, вставай.

– Не могу.

– Я знаю, что ты уютно устроился, но давай уже вставай.

– Я не могу! Не могу пошевелиться. Проклятье, ты думаешь это оно? Я парализован? Не могу даже шевельнуться.

Мишель соблюдала дистанцию: предложив нам стакан воды, она вновь удалилась. О чем она думала: что призвала не тех ангелов или что мы можем подать на нее в суд?

– Я не чувствую ног. Неужели так всё и будет? Что, если я внезапно не смогу ходить, вот так в одночасье?

Наконец он смог подняться на колени, а затем пересесть на стул.

– Это потому, что ты целый час лежал неподвижно. Ты же знаешь, что когда полежишь на спине, потом не можешь двигаться.

– Я тебе говорил, что не хочу сюда идти.

– Все будет хорошо; это все храп и «небесное дыхание», ты слишком им надышался.

Проклятье, а вдруг такое случится во время похода? Если мы вообще туда выдвинемся.

Выезжая из города, мы в последний раз видели хорошенького попрошайку: он сидел на скамейке, очень чистенький и в меру упитанный, и болтал по мобильному.

* * *

Вместо двух дней мы провели на полу у Джен почти две недели, пока Мот приходил в себя после посещения ангелов из Гластонбери. Но таки настало время отправляться в путь: нам нужно было уезжать, пока мы не утомили хозяйку окончательно – никто не готов бесконечно долго делить свою ванную комнату с гостями. Мы оставили машину у дома Джен, отчаянно жалея, что она недостаточно велика, чтобы в ней спать. Джен, обрадованная, что мы наконец-то уезжаем, подбросила нас в Тонтон. Прощаясь, мы пообещали не лежать слишком долго в одной и той же позе и держаться подальше от ангелов.

В начале августа, стоя у обочины дороги в Тонтоне со своими рюкзаками, мы стали бездомными по-настоящему. Я раньше никогда не бывала бездомной. Мне случалось подолгу путешествовать, неделями жить в фургоне, но это другое. Когда путешествуешь, зная, что тебе есть куда вернуться, это придает тебе сил двигаться вперед. У тебя всегда есть дверь, в которую можно войти и сбросить рюкзак, даже если сейчас ты от этой двери убегаешь. В первый день нашего похода мы чувствовали себя совсем иначе. Никакой двери у нас не было. Место, где я стояла, было на данный момент нашим самым безопасным пристанищем, и мне решительно не хотелось с него сходить.

– Так что же, пойдем поищем автобус на Майнхед?

Больше нам ничего не оставалось. Ведь за этим мы и приехали сюда – чтобы не давать себе останавливаться, чтобы найти способ построить новое будущее. Но я не ожидала, что каждый билет до Майнхеда обойдется в десять фунтов. Выложив их, а также заплатив за дизель для поездки в Сомерсет, еду на заправке и пару бутылок вина в благодарность Джен за возможность припарковать у нее машину, я ощутила, что мой красный кошелечек существенно похудел. У нас осталось пятьдесят фунтов. Впрочем, этого должно было хватить: каждую неделю на наш счет должно было поступать сорок восемь фунтов. Этого достаточно.

Сидя в хвосте автобуса, я понемногу успокаивалась. Я даже ощутила легкое приятное волнение. Мы ехали по графству Сомерсет в сторону севера. Притворяясь, что мы на денек выбрались на море, мы достали шоколад и бананы.

– Куда путь держите? Наверняка на юго-западную тропу? Мы тоже. А где остановитесь? Это ваша первая ночь? И наша тоже, – громогласный голос с сильным американским акцентом заполнил весь автобус. Он принадлежал подтянутой маленькой женщине с кудрявыми темными волосами и в очень серьезной куртке с кучей крайне полезных карманов.

– Да, мы сегодня собираемся выйти на тропу.

Она перебралась в хвост автобуса, к нам поближе, со своим таким же невысоким спутником. Он явно собрался на сафари: на нем была точно такая же куртка и штаны в тон, почти полностью покрытые карманами, которые топорщились от очевидно важных предметов.

– Вы что, в это время суток выходить уже нельзя. Из Майнхеда нужно выдвигаться рано утром, иначе до вечера не дойдете до следующей гостиницы. Вы где сегодня ночуете? Заходите к нам в гостиницу пропустить стаканчик.

– Мы путешествуем дикарями, – я перевела взгляд на наши набитые рюкзаки, похожие на громадные черепашьи панцири. Не заметить их вообще-то было довольно сложно. – Ночевать будем в палатке, так что сегодня мы просто выйдем на тропу, а как стемнеет, разобьем палатку.

– Что? У вас там палатка? И что, всякое для готовки тоже поместилось? У нас рюкзаки не меньше ваших, а мы собираемся ночевать в гостиницах и пользоваться перевозкой багажа.

– Что такое перевозка багажа?

– Это когда мы просто пойдем по тропе налегке, а какой-нибудь приятный молодой человек заберет наши сумки и отвезет прямо в следующую гостиницу. Мы собираемся дойти до самого конца, до Вествард Хо! А вы докуда?

– Если дойдем до Лендс-Энда, то, наверное, отправимся в Пул, но мы никуда не спешим, решать будем по дороге, – приподняв одну бровь, Мот покосился на меня. Эту легенду он сочинял на ходу – случайным попутчикам вовсе не обязательно было знать подробности нашей жизни.

– Лендс-Энд! Не может быть, чтобы вы туда добрались, ночуя в палатке, вы, как бы это сказать, староваты для такого похода.

– Посмотрим, как пойдет. Вы нас, наверное, обгоните через день-другой, мы передвигаемся небыстро.

Староваты? Мне всего пятьдесят, а они что подумали?

* * *

Мы не посмотрели заранее на карту Майнхеда, поэтому понятия не имели, где искать начало береговой тропы, – знали только, что нам нужно идти на запад, то есть если встать лицом к воде, то куда-то налево. Мы спустились по холму, мимо бесчисленных лавок, торгующих ведерками, лопатками и вьетнамками, мимо пенсионеров, пьющих чай с плюшками, и наконец добрались до воды. С облегчением мы скинули рюкзаки и присели на набережной, подкрепить силы чаем и шоколадками. Слева от нас набережная упиралась в высоченный, почти отвесный холм. Не может быть, чтобы это и было началом тропы… Пэдди Диллон пишет, что тропа «плавно уходит»; он не пишет «поднимитесь на вершину горы»! У нас возникли нехорошие предчувствия.

– Нет, тут четко говорится: по набережной и до памятника, – Мот провел пальцем по оранжевой линии, обозначавшей тропу на нашей карте. – Ничего, наверное, дорога обходит холм у подножия, а где-нибудь за поворотом уходит вверх. Ну что же, – он спрятал карту и очки назад в карман. – Ты готова?

Он выглядел усталым, но не больным.

– Никаких других планов у меня вроде нет.

Мы подошли к памятнику, обозначающему начало тропы: две гигантские металлические руки, а в них зажата карта. Народу здесь было заметно меньше,

и мы задержались куда дольше необходимого, фотографируясь, возясь с рюкзаками, пытаясь настроиться на следующий шаг. Взволнованные, испуганные, бездомные, толстые, умирающие – но, если мы сделаем этот первый шаг, у нас появится цель, нам будет куда идти. В конце концов, у нас действительно не было больше никаких планов в полтретьего дня в четверг, кроме как отправиться в пеший поход длиной в 630 миль.

* * *

На полпути к вершине холма по убийственно крутой, зигзагообразной тропе мы окончательно поняли, что Пэдди Диллон – чемпион преуменьшения. Где-то в лесу над Майнхедом, откуда сквозь деревья виднелось море, мы присели на скамейку, чтобы отдышаться и перечитать путеводитель.

– Он ясно пишет: «плавно уходит вглубь полуострова и вверх по холму».

– Если это у него называется «плавно уходит вверх», то когда он напишет «довольно крутой подъем», мы окажемся в полной заднице.

Мы прошли полмили, выпили пол-литра воды, и мне уже казалось, что у меня сейчас взорвется голова. Мимо нас вниз по холму протопало большое семейство.

– Какие у вас набитые рюкзаки – куда идете?

– Надеемся, что к Лендс-Энду.

– А, да? Ну-ну, удачи вам!

Смеясь, они умчались вниз. У меня невыносимо ныли тазобедренные суставы, к тому же я натерла пятку. Да уж, есть над чем посмеяться; я бы и сама посмеялась, если бы могла.

– Ты думаешь, они правы? Мы – посмешище?

– Конечно правы, и это они еще ничего не знают. Представь, если бы они знали всю правду? Я лично не рискну говорить людям, что мы собрались дойти до

Пула.

– Пул? Да если мы добредем до Порлока, это уже большая удача.

* * *

Спустя какое-то время, показавшееся нам бесконечностью, мы вышли из леса на вересковую пустошь, где подъем кончался, паслись пони и открывался вид на Южный Уэльс.

– У меня такое чувство, что нам некуда деться.

День быстро уступил место вечеру, и до нас дошло, что мы находимся на краю плато Эксмур, над Бристольским заливом, и скоро стемнеет. Нам нужно было найти место для палатки. Луга с короткой травкой, ощипанной пони, остались позади, и теперь нас окружали плотные заросли вереска и дрока. Мне казалось очевидным, что палатку придется разбивать прямо на тропе.

– Мы не можем поставить ее на тропе. Что будет утром? Кто-нибудь непременно наткнется на нас и потребует, чтобы мы убрались.

Мы шли и шли, мой тазобедренный сустав жгло будто огнем.

– Может быть, у меня артрит.

– Может быть, ты слишком долго просидела за компьютером. Пойдем, вон полянка среди кустов.

Рюкзак слетел у меня с плеч при одной мысли о привале, но как только мы вышли на полянку, мои ноги покрылись плотным шевелящимся ковром: над короткой травой копошились, ползали и летали тысячи муравьев.

– Найдем другое место.

Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что и следующая полянка покрыта муравьями. Они не только ползали в траве, но и черным шаром висели в воздухе:

мы оказались в плотном облаке насекомых, которые тут же наполнили наши волосы и одежду. Чтобы не вдохнуть их в легкие, я побежала, а когда остановилась в вереске, нашествие прекратилось. Муравьи висели только над полянками.

Ставить палатку на вереск было нелегко. Единственным возможным вариантом был клочок молодого, еще невысокого кустарника, но при этом мы рисковали в первую же ночь порвать дно палатки. Впрочем, выбора у нас не было. Полчаса борьбы с незнакомыми шнурками и стойками – и нам удалось поставить палатку. Дно вспучилось, как пуховый матрас, но по ощущениям мы улеглись в ящик с вилками.

– А изоленту мы не взяли?

– Нет.

Свет постепенно угасал, съеживаясь, убегая на запад, и вот уже темноту начали прорезать лучи света от маяков Южного Уэльса. Они так далеко, однако свет от них был ярким и ощутимым, а вот земля, на которой они стояли, уже ускользала от нас. Я зажмурилась и представила, как иду по дорожке к ферме, глажу каменные стены, чувствую тепло очага. Нельзя терять это ощущение безопасности и дома, мне всегда нужно носить его с собой.

– Кажется, вот теперь я и правда чувствую себя бездомной. Как воздушный шарик, которому в сильный ветер перерезали нитку. Мне страшно.

– Я бы тебя обнял, Рэй, но не могу сесть.

– Ну что, съедим фрикадельки? Наверняка они самые тяжелые.

* * *

Холод вверху, холод с боков, холод внизу. Что делает спальный мешок легким и маленьким? Ответ на этот вопрос стал мне очевиден в четыре утра, в серо-зеленом свете палатки, когда холод пробрал меня до костей. Утеплитель – точнее, его отсутствие. Если я ложилась на спину, то походный коврик защищал меня от холода хотя бы снизу, но на спине лежать было больно. Поэтому я

лежала на боку, и спина моя так коченела от холода, как будто я прижималась к глыбе льда. Я попробовала прижаться спиной к Моту, чтобы немного согреться, он пошевелился во сне, перевернулся на спину и захрапел. Я навалила на себя все, что попалось под руку, голову укрыла пропотевшей безрукавкой, а ноги положила на рюкзак. Почти терпимо. Какого черта я не взяла с собой шапку?

То отключаясь, то просыпаясь, я видела во сне пустые дома и задыхающегося Мота. Проснулась я в холодном поту, сердце билось где-то в горле, в голове звенело. Мне удалось пережить эту ужасную ночь – с восходом солнца я наконец согрелась, но уснуть уже не смогла. Мне жутко хотелось пи?сать. Выбираясь из палатки, я, в попытке одновременно поскорее вылезти и натянуть ботинки, упала, споткнувшись о газовую горелку. Я присела на корточки в кустах вереска, на склоне, где дрок, убегая к самому морю, становился Уэльсом; утренний свет был нежно-желтым, а воздух таким чистым и прозрачным, как будто его не было вовсе.

– Доброе утро! Какая сегодня красота кругом, да?

Я сжалась в комок в кустах – леггинсы спущены, задницу обдувает ветер.

– Э-э-э да, прелестное сегодня утро.

И зачем только собачники так рано встают?

Мот проснулся лишь в полдевятого, вялый, закостеневший после сна. Он ненавидел утренние часы, зная, что с пробуждением всегда приходит боль. У него появилась привычка как можно дольше цепляться за последние минуты дремоты, прежде чем встать и признать наступление нового дня. Сначала болеутоляющее, потом чашка чаю, потом еще одна. К половине одиннадцатого он выбрался из палатки. Стальной мочевой пузырь – по идее, КБД вызывает недержание, но пока до этого явно не дошло.

– Как ты? Сможешь идти дальше?

– Как в аду, но что нам остается?

К половине двенадцатого мы упаковались, надели рюкзаки на ноющие плечи и выбрались из вереска. Все, кто пишет о путешествиях «дикарем», подчеркивают, что, во?первых, в Англии и Уэльсе это фактически незаконно, а, во?вторых, разбивать лагерь нужно подальше от публичных мест и попозже вечером, а уходить пораньше утром, не оставляя никаких следов своего пребывания. Я обернулась: вереск был поломан и примят. Значит, мы провалились по всем пунктам. Может быть, со временем у нас станет получаться лучше.

Спускаясь в Боссингтон, я никак не могла решить, что хуже: идти в гору или все же под гору с тяжелым рюкзаком на спине. Я начала было составлять мысленный список всего, что у меня болит, – пятка, тазобедренный сустав, плечи и так далее, – но к тому времени, как мы добрались до подножия холма, пришла к выводу, что болит у меня все сразу и что мы были совершенно безумны, когда решили отправиться в этот поход.

Войдя в пасторальную деревню Боссингтон, мы не смогли устоять перед вывеской «Чайная». Мы знали, что нам не по карману чайные и кафе, да и вообще почти ничего не по карману, но все равно зашли во дворик. Мы заказали свой первый и последний в это лето чай с булочками и вареньем, и я сняла ботинки. Всего за восемь миль ботинки, которые я носила больше десяти лет, натерли мне ногу до кровавой мозоли во всю стопу шириной. Неужели это из-за дополнительного груза? Я торопливо проглотила булку с маслом, добавив еще немного к тому весу, который мне предстояло нести. Знай я, что это моя последняя булочка в это лето, я бы так не спешила. Обклеив всю ногу пластырями, я снова надела носки.

– По тропе идете, значит? – За соседним столиком, укрытым пышной зеленью, сидел крупный мужчина с миниатюрной женой и сыном.

– Да.

– Вас ждет море удовольствия. Это лучший отрезок на всей тропе. Правда, над Эксмуром приятней идти тем, кто не боится высоты.

– А что, там крутой подъем?

– Крутой? – он рассмеялся. Неужели я спросила что-то смешное? Мот явно был не в восторге: он недолюбливал высоту с тех самых пор, как свалился с крыши

сарая.

– Так откуда же у вас столько свободного времени? Я вам прямо завидую.

– Мы бездомные. Мы потеряли свой дом и идти нам некуда, поэтому мы решили: почему бы нам не отправиться в поход?

Эти слова вырвались у меня нечаянно. Слова правды. Но увидев, как мужчина подтянул сына к себе поближе, а его жена скривилась и отвела взгляд, я поняла, что больше так говорить не буду. Они попросили счет и поскорее ушли.

* * *

Мы пересекли пустошь, возникшую там, где море когда-то прорвалось сквозь защитный вал и превратило плодородные сельскохозяйственные земли в солончаки. Мимо скелетов белых, сожженных солью деревьев, застывших на фоне серого неба. Мертвых, но все еще существующих.

Проходя мимо горстки домов, из которых состоит деревня Порлок Уир, мы услышали голос из стены:

– Идете по тропе? Прежде чем входить в лес, вам обязательно нужно подкрепиться жареной картошкой!

Из квадратного отверстия в стене, всего метр на метр, на нас смотрели двое мужчин – это оказалось окошко выдачи заказов крошечной закусочной.

– Вы такой картошки в жизни не пробовали!

Мы сдались без боя.

– Ладно.

Круглолицый повар объяснил нам свой трехступенчатый способ жарить картошку, которая действительно оказалась невероятно вкусной. И такой же дорогой – две мили пути обошлись нам в шестнадцать фунтов. Это было нам не

по средствам. Но мы так измучились, так пали духом, что с готовностью соглашались на любую кроху утешения. Дальше так продолжаться не могло – это был верный путь остаться совсем без денег.

* * *

От Порлок Уир мы поднялись по тропе в гору и вошли в лес. Мот устал, каждый шаг давался ему с боем. У меня все тело ныло и не слушалось. Возможно, сказывалось отсутствие физической подготовки, эмоциональное истощение, болезнь Мота, а может, просто съеденная картошка. Пэдди обещал, что мы доберемся сюда уже под конец первого дня пути, но нам это удалось только к раннему вечеру второго.

Впереди дорога становилась шире, и на тропе мы увидели человека, который, похоже, занимался йогой. Мы остановились, чтобы ему не мешать, надеясь, что он сам заметит нас и пропустит. Но он, казалось, не подозревал о нашем присутствии, стоя лицом к поросшей лесом долине. Высокий, костлявый, худой до изможденности. Он выглядел больным, а может быть, страдал от какой-то добровольной эмоциональной пытки. Чуть приседая, он протягивал руки в сторону долины, а затем подгребал к себе что-то невидимое, неизвестную субстанцию. Он прижимал это невидимое нечто к груди, а затем ладонями разглаживал по телу вниз, к стопам. Раз за разом он повторял это движение, окутывая себя чем-то неизведанным.

Наконец мы сдались и протиснулись мимо. Он продолжал повторять свои движения, ничего не замечая вокруг. Тропа привела нас в долину, а затем мы спустились к церкви Калбона, самой маленькой в Англии. Вокруг этой древней церквушки когда-то был лепрозорий. Может быть, человек на тропе считал, что здесь место силы? Я сидела на кладбище, купаясь в ощущении абсолютного покоя, исходившего от церкви. Здесь чувствовалась глубокая духовность – не связанная ни с Богом, ни с религией, очень человеческая духовность. Тугой узел, который я носила в себе уже очень давно, как будто немного ослаб. Может быть, это действительно место силы. На всякий случай я зачерпнула в ладони воздуха и плеснула им в Мота.

Пока мы сидели, представляя себе, как зеленый свет проникает в наши ноющие суставы, по холму медленно и уверенно спустился тот самый человек с тропы. Не глядя на нас, он остановился рядом. Возможно, здесь нельзя находиться? Он

попросит нас уйти?

– Добрый вечер. Мы только что побывали в церкви. Там очень спокойно.

– Я знаю. Вы обогнали меня на тропе.

– Ой, мы думали, вы нас не видите. Не хотели вас беспокоить.

– Я вас не видел, я ничего не вижу. Я вас слышал. – Человек был слеп. Как только мы этого не заметили?

– Мы идем по тропе.

– Да, и пройдете много миль.

– Двести пятьдесят, это до Лендс-Э…

– Вы повидаете много удивительного и переживете немало трудностей, которые покажутся вам непреодолимыми, – он протянул руку и коснулся Мота. – Но вы их преодолеете, выживете и станете только сильнее.

Пораженные, мы переглянулись, одними губами спросив друг у друга: «Что?»

– И еще вы будете гулять с черепахой.

Мы поднялись на вершину холма и разбили лагерь в поле над дорогой, где высокая живая изгородь закрывала нас от стоящего неподалеку дома.

– На юго-западе вроде не так уж много черепах, правда?

– Вообще-то, их там нет.

* * *

Наступило утро, сменив наконец ночь, проведенную на холодной и неровной земле. К одиннадцати утра мы взвалили рюкзаки на спины и осторожно, как беглые каторжники, вылезли из-за изгороди, убедившись, что нас никто не видит, прежде чем спуститься через ворота к дороге. Тропа шла то вверх, то вниз, пересекая одно поле за другим, вдоль узкой зеленой аллейки, с двух сторон огороженной высокой живой изгородью, через которую почти не проникал ветер. В обычной жизни мы мылись каждый день, но вот уже три дня пути обходились без душа, при этом много ходили пешком и спали в палатке. В отсутствие ветра в аллейке стоял густой дух, и отнюдь не от коров. Я думала, что ничего страшного не случится, если мы не сможем останавливаться на платных туристических кемпингах, где есть душ: ведь мы пойдем вдоль моря и каждый день будем купаться. Но я не учла, что мы редко будем идти на уровне моря. До сих пор непосредственно у воды мы были дважды: в Майнхеде, а потом на каменистом берегу в Порлоке. От нас воняло. Было большим облегчением добраться до скал, поросших сгорбленными дубками, где сквозь листья пробивался морской ветерок.

Дубы уступили место рододендронам, и мы остановились, выбившись из сил. Сами того не заметив, мы вступили в Северный Девон, достигнув своей первой намеченной цели. Прошло два дня, а мы все еще не сошли с дистанции. Рододендроны, распластавшиеся по скалам, обступили нас со всех сторон. Вопреки распространенному мнению, эти выносливые растения, которые сегодня так пытаются изничтожить, обитали в Великобритании миллионы лет назад. Ученые нашли окаменелости, доказывающие, что рододендроны росли здесь еще до последнего ледникового периода, но статус коренных достался только тем растениям, которые распространились после отступления льдов. Рододендроны были вновь завезены в Великобританию в середине XVIII века и стремительно распространились в сельской местности: эти мигранты с блестящими вечнозелеными листьями глубоких оттенков сумели расцветить скучные, серые британские зимы. Весной, с началом поры цветения, они укрывали холмы и подлесок великолепным сочным ковром фиолетовых и лиловых цветов. Раньше в нашей любимой долине темное ущелье вспыхивало красотой каждый май, пока Национальный фонд[11 - Национальный фонд объектов исторического интереса либо природной красоты – британская некоммерческая организация, защищающая объекты культурной, исторической и природной ценности на территории Англии, Уэльса и Северной Ирландии.] не решил избавиться от всех завезенных в страну растений. За этим решением последовали месяцы безжалостного уничтожения пришельцев – и холмы стали напоминать поле битвы. Прошли годы. Мусор, оставшийся после войны с захватчиками, до сих пор на месте, но теперь сквозь него пробиваются

крошечные молодые ростки коренных растений – березок и вереска. Одновременно с этим пеньки рододендронов оживают и борются за место под солнцем, выпуская сочную молодую поросль. Рано или поздно одна из сторон победит, но ни одной это не пойдет на пользу.

Скалы с одной стороны уходили вверх, а с другой – падали вниз, оставляя тропе всего около метра ровной поверхности посередине. Мы все равно достали горелку и согрели себе чаю, усевшись прямо на дороге. Издалека донесся уже знакомый нам голос с американским акцентом: перепутать было невозможно. Голос жаловался на проблемы на работе, не в силах отключиться от них даже в походе. Помешав чай, я со странным чувством осознала, что у меня нет работы, о которой можно беспокоиться, и нет домашних проблем, которые нужно решать. У меня вообще нет проблем. Не считая того, конечно, что мы оказались на улице, а Мот смертельно болен. Американцы вышли из-за поворота и на секунду остановились в замешательстве. Я занервничала, что они стоят с подветренной стороны, но быстро сообразила, что мы просто мешаем им пройти.

– Мы сегодня уже опаздываем, отстаем от расписания, нам нужно к четырем быть в Линмуте.

С извинениями они протиснулись мимо. Мужчина здорово вспотел, пот капал у него с подбородка и локтей.

– Вы точно не хотите остановиться и выпить чаю, немножко передохнуть?

Женщина посмотрела на меня, как на преступницу:

– Нет, у нас нет времени: нужно следовать плану. У вас же нет плана, верно?

Они исчезли из виду, но еще несколько минут мы слышали ее постепенно затихающий голос. Она выговаривала ему, как он должен радоваться, что она вообще с ним поехала, когда у нее ежедневник ломится от дел, и как он должен быть благодарен.

– А у нас есть план?

– А как же. Мы будем идти, а потом перестанем идти, а по пути, возможно, найдем какое-то будущее.

– Хороший план.

Мы потащились дальше сквозь лес. Пошел небольшой дождик, но нас укрывал плотный полог рододендронов над головой. Как только мы вышли из-под защиты деревьев, со стороны Бристольского канала налетела непогода, и небольшой дождик превратился в бушующую грозу. С трудом пробираясь вперед в хлопающей на ветру непромокаемой куртке, я почти ничего не видела сквозь лившиеся мне на лицо потоки воды. Когда мы свернули на тропинку вдоль береговых утесов, Мот начал пошатываться от высоты, ветра и усталости. Мы были беззащитны перед стихией и к тому же шли высоко над уровнем моря, а ветер цеплялся за наши рюкзаки, как за паруса, пугая нас и сбивая с ног. В районе мыса Форленд перед нами возникла идеальная радуга, к которой добавились цвета холма: грязно-зеленый, коричневый и сиреневый. Мот вцепился в траву на уровне рук, пытаясь восстановить равновесие и не глядя в клубящийся черно-серый туман, возникший на месте моря. Тропинка шириной шестьдесят сантиметров, а за ней – облачная пропасть. Мы даже не представляли, где находимся – на травянистом склоне или на краю скалы. Внезапно из тумана выступил шпиль церкви.

– Помнишь наш план? Пора остановиться.

В церкви Мот упал на скамейку. От борьбы с ветром у него невыносимо болело плечо, а одна нога то и дело подворачивалась, и он спотыкался. Мы уже обдумывали возможность провести ночь на полу в церкви Иоанна Крестителя, когда заметили яркие огни в окнах паба под названием «Блю Болл». Проковыляв несколько метров от церкви до паба, мы вошли внутрь, щедро заливая водой полы и собаку, сидевшую у входа.

Лысый человек за барной стойкой посмотрел на нас безо всякого выражения. Затем перевел глаза на наши насквозь мокрые рюкзаки и на лужи на полу. Мот, всегда ненавидевший затруднять других, поднял свой рюкзак.

– Прости за грязь, друг, мы идем по береговой тропе и попали под ливень. Мне оставить рюкзак на улице?

– По береговой тропе? Ни в коем случае. Тащите свои вещи сюда.

Бармен, чей акцент выдавал в нем австралийца, разразился гостеприимной болтовней, а мы опустились на мягкий диван перед горящим камином. Повесив носки, с которых капала вода, сушиться на стул, я поняла, что мы пришли в паб, но ничего не можем себе здесь позволить. Из столовой вышел огромный пес размером с небольшого осла, понюхал мои носки, взял один из них в свою слюнявую пасть и отправился к бару. Я последовала за ним, дергая за носок и убеждая пса разжать зубы, одновременно заказывая чайник чаю – самое дешевое, что пришло мне в голову.

– Боб, брось носок. Чай так чай, это очень по-английски. На вид вам скорее не помешал бы стаканчик виски.

– Да уж.

Я взяла носок, теперь украшенный большой дырой, и вернулась к огню. Виски, камин, удобная кровать. Я ненавижу виски, но, будь у нас хоть немного свободных денег, это путешествие было бы совсем другим. Мы медленно цедили чай и дремали перед камином, пока наши носки сохли перед огнем. Наконец дождь прекратился.

Уже совсем стемнело, когда в одиннадцать вечера мы почувствовали, что готовы покинуть теплый паб, поставить палатку в нише в скале, которая хоть как-то защищала нас от бури, и уснуть под вой ветра над головой.

* * *

Я знала, что этот момент настанет. Случилось то единственное, о чем я старалась не думать, когда мне в голову пришла идиотская мысль пройти всю юго-западную береговую тропу дикарями. Вопрос туалета встал передо мной так остро, что откладывать его решение было нельзя. Было полседьмого утра, я слышала, как над скалой туда-сюда летают чайки, и уже знакомая борьба с полами палатки и ботинками заняла слишком много времени. Выпрямившись в полный рост, я почувствовала, что теряю контроль над собой. Не только от невыносимого желания присесть на белый сияющий унитаз со сливом, но и от волны головокружения. Каким-то образом в темноте и тумане прошлой ночи мы

ухитрились поставить палатку в двух метрах от края скалы. Палатка, тропа, полоска травы, обрыв на сотню метров. Я восстановила равновесие и осмотрелась в поисках хотя бы отдаленно укромного местечка. Сколько хватало глаз, вокруг было совершенно открытое пространство, и лишь в одном месте росли кустики дрока. Терпеть я не могла, дрок – значит дрок. Я лихорадочно попыталась вырыть ямку каблуком ботинка – мы не взяли с собой лопатку, посчитав, что ее слишком тяжело нести, и к тому же на тропе будет полно общественных туалетов. Второпях я продрала большим пальцем дырку в леггинсах и присела за колючие кустики с таким же облегчением, как персонаж Юэна Макгрегора в туалетной сцене фильма «На игле».

Собачники. И что же им неймется?

– Доброе утро! Значит, нашли-таки место для лагеря?

Вчерашний австралиец из паба шел по тропинке, приближаясь к палатке. Встать я не могла, кустик был недостаточно высоким, так что я осталась сидеть на корточках, едва слышно пропищав ему в ответ:

– Доброе утро!

– Ну, не буду вам мешать. Хорошей вам тропы.

– Спасибо!

Собака потащила его обратно, туда, откуда он пришел, а я сооружала над своим произведением художественный вигвам из сухих веточек дрока и ждала, пока от щек отхлынет багровая краска стыда. Я смотрела, как австралиец исчезает в огромных прозрачных облаках, которые поднимались из залива Линмут и наползали на мыс в попытке догнать грозу, ушедшую далеко вперед. Между облаками проступила большая поляна, поросшая низенькой травкой; во время ночной бури мы прошли мимо нее, не заметив. Это было неважно – со скалы мы не упали, так что наш выбор оказался ничуть не хуже. Когда я вернулась в палатку, Мот как раз проснулся.

– Ты рано.

– А собачники еще раньше. Я думала, это тебе, а не мне врачи обещали, что ты начнешь делать в штаны!

* * *

Говорят, что береговая тропа была проложена береговой охраной, которой в поисках контрабандистов нужно было обследовать каждую из бесчисленного множества бухточек. Но на тропе встречается столько достопримечательностей, связанных с древней историей (их описание можно найти в любой туристической брошюре), что поневоле начинаешь думать, будто люди ходили по тропе с тех самых пор, как появились на этой земле. Создание тропы как единого маршрута в основном финансировала экологическая организация «Нэчерел Ингленд». Когда отдельные участки пути объединили, получился самый длинный пешеходный маршрут в стране. Последний отрезок в Северном Девоне завершили в 1978 году, за год до того, как я закончила школу. Украшенные по последней моде громадными начесами и галстуками-селедками, мы с головой бросились в будущее, не думая о последствиях. Мы с тропой оказались в большом мире одновременно – возможно, нам было предначертано встретиться.

* * *

Юго-западная береговая тропа, как говорят, приносит региону три миллиона фунтов ежегодно. У нас было сорок восемь фунтов в неделю, так что большой вклад в местную экономику нам не внести. Вообще-то я с большой неохотой открывала кошелек, но после подъема по крутой, петляющей дороге в Линтон ничего не оставалось: нам нужно было пополнить запасы еды.

Стоя перед продуктовым магазином на углу улицы, я пересчитывала монетки – мы решали, сколько потратить. В это же время женщина в яркой желто-синей куртке вышла из-за угла с большой белой и злобной на вид собакой. Зря я встала между дверью в магазин и перилами, к которым был привязан лабрадор, ждавший хозяина. Большая белая собака явно ненавидела себе подобных. Она кинулась на лабрадора, который до этого тихо спал на тротуаре. Во время броска она зацепила рюкзак у меня на спине, я потеряла равновесие и ударилась об стену. Монетки вылетели у меня из руки и покатились вниз по холму. Я кинулась за фунтовой монетой, летевшей по тротуару, и почти поймала ее, но она выскользнула из рук и провалилась в сточную решетку. Мот бежал за

двухфунтовой монеткой, катившейся вниз по холму между шедшими по улице туристами. Я видела, как он, нагнувшись, пытается ее схватить, но в последний момент его опередил маленький мальчик, торжествующе поднявший свою находку.

– Я нашел денежку, я нашел денежку!

Нет, нет, нам нужна эта монетка!

– Молодец, на вершине холма купишь себе мороженое!

Ох, как бы я хотела купить себе мороженое.

Хозяйка белой собаки ткнула меня носком ботинка. Я все еще лежала на тротуаре, протянув руку к канализационной решетке.

– Что с тобой, ты пьяная?

Я опешила от этого предположения.

– Со мной все в порядке, это у вас невоспитанная собака.

– С моей собакой все отлично. А вот вам, нищим, пора научиться себя вести. Валяетесь тут на улицах – какая гадость.

Я отпустила решетку и поднялась на ноги. Нищенка. Бездомная нищенка. Несколько недель назад у меня был собственный дом, бизнес, стадо овец, сад, земля, духовка, стиральная машинка, газонокосилка. У меня были обязанности, уважение, гордость. Все эти иллюзии исчезли так же быстро, как наши фунтовые монетки.

Мот поднялся обратно на холм, подобрав по пути несколько мелких монет.

– И сколько у нас осталось?

– Девять фунтов и двадцать три пенса.

– А когда мы получим еще денег?

– По-моему, послезавтра. Так что же, две пачки риса и что-нибудь к ним? Или макароны?

– Нет, что угодно, только не макароны.

Из магазина мы вышли с чуть потяжелевшим рюкзаком и двумя фунтами семьюдесятью пенсами в кошельке. Но зато мы купили две шоколадки «Марс». Когда я впервые увидела Мота в столовой колледжа, мне было восемнадцать. В белой рубашке без воротника, он макал «Марс» в чашку с чаем. Я была зачарована. Потом мы с подружками подолгу висели на подоконнике в окне третьего этажа, глядя, как он идет по кампусу: полы старой армейской шинели развеваются по ветру, на ногах кожаные сапоги по колено. Я больше ни о чем не могла думать. Прошли недели, прежде чем он заговорил со мной – недели, на протяжении которых я пряталась и тайком наблюдала за ним издали, из-за книжных полок, из дверей магазинов, из кустов. Я ни о чем не могла думать, кроме него. И секса. Затем он наконец заговорил со мной, и оказалось, что он думает про то же, про что и я.

Юношеская влюбленность переросла в страстную дружбу, которая не отпускала нас всю взрослую жизнь. Мот показал мне мир, о существовании которого я даже не догадывалась. Он был яростным борцом за экологию, и меня стремительно закружило в вихре его образа жизни: дни на продуваемых всеми ветрами вересковых пустошах, недели на шумных митингах за ядерное разоружение, пицца на музыкальных фестивалях в парках, и все время разговоры, разговоры, разговоры, мы никак не могли наговориться. Шли годы, а мы все также болтали и смеялись, и наши ноги по-прежнему переплетались. Друзья меняли жен и мужей, как зонтики, но нам никто другой не был нужен. Когда нам стукнуло по тридцать, а потом и по сорок, мы увидели, что окружающие пары понемногу погружаются в унылое состояние товарищества, в котором главной радостью были субботние походы по магазинам или на футбол. Постепенно распадалась одна пара за другой. Только мы продолжали жить со страстью, которая не умирала.

Даже теперь, глядя, как бездомный Мот хромает по Линтону, откусывая свой «Марс», я чувствовала, как у меня моментально улучшается настроение. Но несколько месяцев назад Моту выписали лекарство под названием «Прегабалин», чтобы снять боль в плече, и наши отношения резко изменились.

Очередная потеря. Он все еще был мне лучшим и самым близким другом, но физическая пропасть между нами росла.

– Нет ничего лучше «Марса».

– Факт.

Шоколадные воспоминания заставили меня напрочь забыть о собаке.

* * *

Выйдя из Линтона, тропа сузилась и повела нас по краю скалы над самым обрывом, а затем круто завернула за угол. Идти здесь было небезопасно, и мы нервничали. За углом мы нос к носу столкнулись с еще одним австралийцем, который бесстрашно шагал нам навстречу.

– Доброго дня, неплохо вы нагружены, куда путь держите?

– До Лендс-Энда, если доберемся, – мы все еще не решались вслух говорить, что идем до самого конца.

– Ого, ничего себе, ну молодцы. Что ж, возраст приключениям не помеха! Удачи.

Мне всегда казалось, что я молодо выгляжу. Я дожила до пятидесяти без седых волос и почти без морщин.

– Интересно, сколько он думает нам лет?

– Какая разница. Возраст ведь не помеха!

– Ну да, ну да.

– Иногда мне кажется, что мне все чертовы восемьдесят, так я устал. У меня все болит, везде. – Мот сбросил рюкзак на землю и присел на камни. – Я даже не понимаю, сплю я или бодрствую. Голова будто в тумане, бреду как сквозь сироп. Это самая идиотская затея, какая только могла прийти в голову. Я хочу прилечь.

Изумленная, я села с ним рядом. Болезнь Мота вступала в свои права постепенно, медленно. Ему не пришлось переживать шок от внезапно наступившего недомогания. С момента нашего памятного визита в больницу у Мота несколько раз падало настроение, но не особенно часто, и я была не готова к этому всплеску эмоций. С возрастом у нас возникали разные заболевания, и мы успешно учились с ними справляться, но последний диагноз, как и моральную усталость от жизни с постоянной болью, мы до сих пор целенаправленно обходили молчанием. И вот мы оказались со своими рюкзаками посреди Долины камней, и это молчание наконец было нарушено. Волны монотонно бились о подножие утесов, на которых возвышалась скала Касл-Рок. Мы молча смотрели на воду: ритмично, раз за разом, белое ударялось о черное и отступало, чтобы тут же ударить в него вновь. Несколько диких коз, до того скрывавшихся за камнями и кустарником, перескочили через тропу недалеко от нас и помчались вниз по холму, который внезапно перестал казаться непроходимым – крепкие, быстрые, длинная шерсть развевается на ветру.

Меня это зрелище заворожило.

– Ты видел этих коз? Какие громадные рога! И что ты тут расселся? Пойдем. Нам все равно скоро придется остановиться, я ног под собой не чувствую от усталости.

Я помогла Моту подняться, и мы двинулись дальше.

* * *

Оставив позади людную Долину камней, мы вышли по асфальтированной дороге на огромный зеленый луг, где росла невысокая травка и стояло несколько деревьев. Впереди виднелся большой дом.

– Я знаю, что еще рано, но нам скоро придется поставить палатку. Я слишком устал.

У дома висело объявление, из которого мы узнали, что территория принадлежит христианской общине и любой желающий может остановиться здесь по скромной цене от ста двадцати фунтов и выше, чтобы насладиться «Божественным обновлением и очищением». Ставить палатки, разводить костры

и спускать собак с поводков строго запрещено, а также воспрещен вход на территорию бродягам.

Идя через луг в долину, мы слышали крики и смех. В низине под нами молодежный христианский лагерь готовился весело провести вечер. Диджей под навесом пытался увлечь группу подростков викториной. Как любые подростки, христианские или нет, они куда больше интересовались тем, как сбежать в папоротники. На нас повеяло дымком от мангала и запахом жареных сосисок, и мы почувствовали, как сильно проголодались.

– Что сегодня на ужин?

– Рис и банка консервированной скумбрии.

– Как думаешь, они заметят, если мы просто подойдем и съедим по бургеру?

Мы шли всё дальше и дальше через заросли папоротника, пока не устали искать подходящую полянку и не остановились на ночлег прямо в поле, где еще недавно пасся скот. От мыса Крок нам было видно, как последние лучи заходящего солнца гладят мыс Дьюти, окрашивая скалы в розовый и голубой. Мы доели рис со скумбрией, слушая, как под нами волны бьются о скалы.

– Хлебушка бы еще к этому. Тсс, что это, ты слышишь?

– Проклятье, наверняка фермер идет вышвырнуть нас со своей земли.

Шорох слышался всё ближе, и мы уже готовились складывать палатку и двигаться дальше. Папоротник расступился, и через него протиснулись два подростка, в волосах листья и ветки.

– Э-э-э, мы тут… Мы просто ходили на пляж, но мы уже возвращаемся в лагерь!

– Вот и хорошо, идите быстрее, пока там не съели все бургеры.

6. Поход

Отправляясь в поход по береговой тропе, мы были готовы к самой разной плохой погоде, но типично английской: ветру, дождю, туману, даже граду. Мы не были готовы к жаре, обжигающей и душной. К обеду мы выползли из тенистого леса у залива Вуди и окунулись прямиком в обжигающий полдень. Мы разделили пополам батончик мюсли и банан и съели их, глядя на запад, на одни из самых высоких скал в Англии. Они уходили почти отвесно вверх, достигая двухсот сорока метров и увенчиваясь самой высокой точкой всей юго-западной береговой тропы: скалой Грейт-Хэнгмен, триста восемнадцать метров над уровнем моря. Впрочем, нас отделяло от скалы Хэнгмен еще немало свирепых подъемов и спусков, которые признавал «крутыми» даже Пэдди. Спуститься с вершины скалы почти до уровня моря, подняться с уровня моря до вершины скалы, и так много раз. Вот почему я хотела начать путь в Пуле. Между тем, становилось все жарче.

– А мы взяли крем от солнца? – Мой нос буквально пульсировал на жаре.

– Неа.

– Может, нам подождать, пока станет попрохладней?

– Тогда мы застрянем на скалах до темноты. Думаю, будет большим везением найти тут плоское место для палатки.

– Ох господи. В тридцать лет мы были бы в восторге от этого приключения.

– Возраст не помеха?

– Ладно.

У нас отваливались ноги, плечи и болели суставы, но мы пересекли долину, поднялись на вершину скалы на противоположной стороне и свернули к прибрежным утесам. Каменная тропа волнами отражала тепло прямо в горящие лица. Поднялся легкий ветерок, я расправила руки, как крылья, и мне показалось, что я вот-вот полечу; от высоты захватило дух. Глаза у меня слезились, кожу жгло, а берег Уэльса вдалеке казался недосягаемым. Каждый поворот наполнял меня смесью головокружения и эйфории. Мот шел,

наклонившись подальше от моря, поближе к скале, но у меня по венам текли соленый воздух и вереск, и я летела вперед вместе с чайками.

На гладком каменном выступе, перед очередным головокружительным спуском, мы встретили первых на своем пути туристов с палатками. В своих одинаковых синих шортах, с аккуратными новенькими рюкзачками, они казались очень молодыми, свежими и целеустремленными. Но они тоже путешествовали «дикарями»: я тут же почувствовала с ними родство и должна была обо всем их расспросить.

– Где вы ночуете? На организованных кемпингах или где придется?

– Где придется, но это безумие. Около шести вечера мы уже ни о чем не можем думать, кроме ровной полянки. Вчера мы так и не нашли подходящего места для стоянки и поставили палатку на клочке травы перед пабом в Линмуте.

– А куда идете?

– В Комб-Мартин, так что сегодня наш последний день. У нас были только выходные, к тому же я раньше никогда не ночевала в палатке, и мне очень хочется в душ. – У девушки были темные вьющиеся волосы, и на мой взгляд она выглядела идеально свежей и чистой. Внезапно я застеснялась и передвинулась так, чтобы стоять с подветренной стороны. – А вы куда идете?

Я взглянула на Мота – куда мы идем? После вчерашнего я уже ни в чем не была уверена, но он ответил как всегда:

– К Лендс-Энду. Кто знает, может, и дальше пойдем, зависит от погоды.

– Это потрясающе, как же вам повезло, что у вас есть на это время.

Мы смотрели, как они бодро удаляются вдоль скал, и помахали им, когда они дошли до мыса. «Повезло, что у вас есть на это время». Я положила ладонь на локоть Мота, упершего руки в боки. Его кожа была розовой и горячей наощупь, точно такой же, как и всегда, но над локтем были морщинки, которых я раньше не замечала. А есть ли у нас время?

* * *

У Мота была шляпа: зеленая, парусиновая, она выглядела как форма для выпечки, но защищала голову от солнца. Как же я ухитрилась не взять с собой шляпу? Я чувствовала, что кожа на голове у меня зудит, а скосив глаза, видела, как покраснел мой нос. Мы думали, что к вечеру доберемся до скалы Грейт-Хэнгмен, но она по-прежнему была в отдалении. Береговая линия часто выглядит обманчиво. Глядя на утес впереди, думаешь, что до него рукой подать, но по пути неминуемо придется обходить ущелья, заливы и целые поля вересковых пустошей.

– У меня голова уже вскипела. У тебя нет банданы или чего-то вроде?

Мы шли к вершине Холдстоун-Даун; время близилось к вечеру, но солнце по-прежнему припекало.

– Что же ты раньше не сказала – у тебя столько волос, я и не подумал, что тебе нужна шляпа. У меня есть еще одна старая в рюкзаке.

Я натянула побитую жизнью шляпу с узенькими полями, купленную сто лет назад на Ибице, на рынке всякой хипповской ерунды. Теперь шляпа удерживала тепло моей раскаленной головы, и вскоре мне стало еще в десять раз жарче.

Сидя на гнутой ветке боярышника, я смотрела, как солнце садится за скалу Хэнгмен. Палатка уже стояла среди кустов дрока и вереска, и Мот сидел в ней с ручкой и блокнотом. Мы поужинали рисом и банкой горошка, но голод толком не утолили. Я перекинула ноги через ветку, опустив их на сухую голую землю, и тут меня осенило. Работая осколком камня, я выкопала в земле ямку. Прекрасно.

– Мот, Мот, смотри, что я сделала!

Он перекатился на колени, затем медленно встал.

– Что? Я ничего не вижу.

– Дурак, это же туалет с сиденьем!

– Вот это да, и впрямь, ха-ха, тогда я первый.

Я разогрела последний пакет оранжевых фрикаделек. Завтра у нас снова появятся деньги, и мы сможем пополнить запасы продовольствия в Комб-Мартине.

– Второй ужин! Мы так в хоббитов превратимся.

Уже почти стемнело, когда мы услышали приближающиеся с востока шаги. Мимо нас стремительно пронеслись четыре молодых парня, на вид двадцати с небольшим лет, с гигантскими набитыми рюкзаками.

– Значит, мы тут не одни такие. Видел их снаряжение? Наверняка они идут до самого конца.

Мот смотрел, как они уходят. Я знала, о чем он думает: о том, что когда-то и сам был таким.

– Наверняка сейчас идут в Комб-Мартин, чтобы успеть в паб до закрытия.

– Не вздумай напоминать мне про пиво, у нас воды-то осталось только чтобы утром выпить чаю.

* * *

Вниз, вниз, вниз по холму мы спустились в Комб-Мартин, хорошенькую девонскую деревушку на пляже. Путеводитель утверждает, что в Комб-Мартине находится самая длинная деревенская улица во всей стране: она петляет вглубь полуострова по узенькой долине на протяжении двух миль. Мы погуляли вдоль пляжа с единственной целью – найти банкомат. Не найдя ничего, кроме кафе и сувенирных лавочек, мы отправились в центр информации для туристов, надеясь, что там нам помогут. За стойкой стояли три старушки; они смотрели на нас, перешептываясь, улыбаясь и кивая.

– Мот, иди поговори с ними, тебя всегда любили старушки.

– Вот это сейчас прозвучало очень сомнительно.

Мы оставили рюкзаки за дверью.

– Дамы, не поможете ли вы нам? Мы разыскиваем банкомат, но нам катастрофически не везет. Не подскажете, куда нам лучше податься?

Дамы хихикали и подталкивали друг друга локотками.

– Разумеется, с удовольствием. Дойдите до продуктового магазина по левую сторону улицы. Они помогут вам снять деньги с карточки, мистер Армитидж, но они не ждали вас так рано.

– Простите, но я не мистер Армитидж.

Дамы переглянулись с заговорщическим видом.

– Разумеется нет, всё в порядке, это наш маленький секрет, мы никому ни слова.

Уже на улице Мот с недоумением обернулся на старушек, махавших ему вслед. Мы взвалили рюкзаки на плечи и ушли.

С продуктами в рюкзаках, двадцатью пятью фунтами в кошельке и кульками жареной картошки в руках мы сидели на пляже, откинувшись на камни. Был жаркий полдень, и нос у меня напрочь обгорел. Этот день почти не отличался от любого обычного дня на пляже – в Уэльсе мы жили недалеко от побережья и частенько катались на море. Долгие дни, извалявшиеся в песке дети, надувные лодки, бутерброды, песочные замки. Наши дети росли, свободно гуляя по лесу, горам и пляжу. Прошло уже несколько лет, как они уехали из дома, но песок под ногами каждый раз напоминал мне о горечи этой потери. Придется мне с этим смириться, иначе лето нам предстоит совершенно невозможное.

По пляжу бежал маленький мальчик с ведерком воды, чтобы вылить его в ров вокруг песочного замка. Сестра схватила ведерко за ручку, чтобы самой выплеснуть воду. Из ниоткуда появился их отец, оттащил мальчика и шлепнул его.

– Я же тебе говорил, не ссорься с сестрой!

Мальчик вывернулся из его рук и спрятался за камнем. Мать поднялась с места.

– Обязательно было это делать?

– Надо было его проучить, – злой отец, который учит сына быть злым ребенком. Почему-то на пляже в людях ярче проявляются как лучшие, так и худшие качества.

– Я хотел было предложить искупаться, но думаю нам пора двигать дальше, – Мот поднялся на ноги и отряхнул с рюкзака пыль.

– Да, пора идти, мистер Армитидж.

Мы тащились по крутым склонам то вверх, то вниз, а день становился все жарче. С новыми запасами продовольствия рюкзак заметно потяжелел, и я с трудом волочила ноги по пыльной дороге, следуя за Мотом, который тоже, казалось, едва передвигался. Жара становилась невыносимой.

Внезапно прямо перед нами из марева, словно оазис, вырос платный кемпинг. Тропа шла напрямую через него.

– Как думаешь, может, узнаем, почем тут места? Мы могли бы просто отдохнуть, а не разыскивать вечером место для привала, и к тому же принять душ, – выражение лица Мота говорило «я не прошу, я умоляю».

– Спросить можно.

Стоянка кишмя кишела семьями, детьми, велосипедами, пожилыми парами и собаками – собак было особенно много.

– Пятнадцать фунтов за палатку.

– Пятнадцать фунтов? У нас совсем маленькая палатка, мы можем приткнуться где-нибудь в уголке.

– Пятнадцать фунтов за палатку любого размера.

– Но у нас и машины-то нет, мы пешком с рюкзаками идем по тропе.

– А, так бы и сказали! – Служитель указал на объявление у двери. – С пеших туристов пять фунтов за человека.

Десять фунтов. Еды у нас хватало почти на неделю. Мот сидел на пластиковом стуле, утирая пот с лица грязной синей банданой.

– Ладно, только одну ночь.

В душе была горячая вода, сколько хочешь, без ограничений. Под ее струями я расслабилась – может, устала, а может, на секунду утратила над собой контроль, но я все плакала и плакала. Я всхлипывала, а льющаяся вода смывала с меня старую кожу вместе с потом, разочарованием, печалями, потерями, страхами. Только один слой. Полностью отдаться жалости к себе у меня не было возможности.

Как смогла, я вытерлась тоненьким быстросохнущим полотенцем и раскрыла крошечную косметичку в поисках зубной щетки. На землю выпали тюбик зубной пасты, резинка для волос и тампон. Тампон? Я с удивлением подняла его. Я взяла с собой несколько штук, рассчитывая, что скоро они мне понадобятся, но тут меня осенило: в суматохе последнего времени я даже не заметила, что вот уже три месяца, как мне не требовались тампоны. Просто отлично. Как себя вести при наступлении менопаузы: оказаться на улице и отправиться в пеший поход длиной шестьсот тридцать миль с рюкзаком на спине. Великолепно. Зато физических упражнений с утяжелением предостаточно: как минимум, об остеопорозе волноваться не придется.

* * *

Кемпинг мы покинули чистыми и отдохнувшими, но дорога на Илфракомб петляла и извивалась бесконечными подъемами и спусками, и очень скоро мы оказались такими же грязными и усталыми, как накануне. Стоял разгар туристического сезона, и городок был полон детских колясок и ходунков. Запах еды был просто пыткой – на каждом углу стояла кафешка, но после ночевки на

платной стоянке мы могли на них только любоваться. Мимо прошла пожилая пара в соломенных шляпах и со спаниелем на поводке, громко негодуя.

– Сколько лет мы сюда приезжаем, и ничего более ужасного я еще не видела. Это просто возмутительно.

У самой воды столпились люди, щелкая фотоаппаратами. Есть свои плюсы в том, чтобы не готовиться к путешествию заранее, не читать ничего о тех местах, в которые попадаешь: тебе всегда есть чему удивиться.

– Ни фига себе, какая огромная штуковина.

Здоровенная статуя из бронзы и стали возвышалась на двадцать метров над землей, нависая над гаванью. Очередные старички с негодованием отошли прочь, щелкая языками и качая головами. Мот поднял с земли листовку, кем-то брошенную в суматохе.

– Написано, что ее зовут Верити, автор Дэмьен Херст. Как ему удалось получить на это разрешение? У него кажется здесь студия и дом, да?

– А что она символизирует-то?

– Похоже, истину и правосудие.

– Правосудие? Я бы многое ему могла рассказать о правосудии.

Статуя изображала беременную женщину в разрезе. Одна сторона у нее была целой, обычной, а с другой было видно младенца в утробе. Над головой она держала меч, а за спиной – весы.

– Неудивительно, что она прячет весы. Спрятать истину за фасадом, который отвлекает на себя все внимание. Весьма справедливое изображение британского правосудия. Оно доступно всем – всем, кто может себе позволить склонить чашу весов на свою сторону…

– Справедливые слова, – рядом с нами на скамейке сидел старичок в блестящих лакированных ботинках. Мы ненадолго задержались поболтать с ним. Он был

гуркхом, уроженцем Непала. Всю жизнь прослужил в британской армии и остался здесь после выхода на пенсию. – Но теперь я уже не уверен. Мы живем тут неподалеку, и дочь хотела построить для нас бунгало, одноэтажный домик в саду, чтобы мы провели в нем старость, а сама она жила бы в нашем доме и заботилась о нас. Но городские власти считают, что это повредит облику города. Один друг сказал мне, что Херст планирует построить на краю города, где у него участок земли, жилой район на сотни домов. Если судить о его стиле по этой статуе, то вряд ли это будут виллы в викторианском стиле. Но почему-то я не думаю, что у него возникнут проблемы с разрешением на строительство.

– Вероятно, не возникнут.

Мы съели пополам порцию жареной картошки и убрались из Илфракомба как можно скорее. Лагерь мы разбили на вершине холма, внизу виднелись огни городка. Следующий день оказался невыносимо тяжелым. Не будь мы такими усталыми, весь день наслаждались бы потрясающими видами, но сейчас все силы уходили у нас на то, чтобы передвигать ноги.

– А что это там за пятно? – Из дымки выступило что-то, чего я раньше не видела.

– Какое пятно?

– На запад, дальше вдоль побережья, где суша заканчивается.

– Похоже на остров.

– Неужели это уже Ланди? Наверняка. Уэльс остается все дальше позади, поэтому там, где берег заканчивается, он, наверное, поворачивает налево.

– Как далеко.

Мы шли по скалам, по щиколотку в полевых цветах, и должны были бы наслаждаться этой прогулкой, но после того, как мы прошли мыс Булл, Мот пошел медленнее и стал странно подволакивать ногу. Мили неторопливо ползли мимо. На закате я собрала дикого тимьяна и листьев одуванчика и добавила их в рис. На следующий день мы добрались до деревни Вулакомб: шел девятый день похода. По мнению Пэдди Диллона, мы должны были оказаться здесь четыре

дня назад, но его расписание пока что не особо совпадало с нашим. После того как из-за прилива нам пришлось долго идти по мягкому песку, в котором утопали ноги, мы с облегчением выбрались на твердую поверхность прибрежных скал, ведущих к мысу Бэгги. Несмотря на усталость и заторможенность, мы застыли, потрясенные красотой вида. Остров Ланди был еще далеко, но его уже было хорошо видно; где-то за ним береговая линия Уэльса поворачивала на север, а затем совсем исчезала из виду. Что я чувствовала, глядя, как она пропадает за горизонтом, – облегчение? Или она все еще была мне нужна, осязаемая и реальная? Ответить на этот вопрос я не могла. Вдали, еще миль сорок к западу, был виден мыс Хартленд, за которым берег второй раз круто поворачивал на юг. Когда солнце коснулось горизонта, мы поставили палатку среди полевых цветов и снова поужинали одуванчиками.

– Когда я была маленькой, мама не разрешала мне есть одуванчики; говорила, что от них я ночью описаюсь.

– Ты и так каждую ночь по сто раз встаешь в туалет, так что вряд ли одуванчики что-то изменят.

– Может, нам сесть на автобус и объехать русло реки? Пропустить Барнстейпл и Байдфорд?

– Можно, но деньги нам перечислят только через несколько дней, и к тому же экосистема Браунтон Берроуз выглядит заманчиво: громадные песчаные дюны, целиком состоящие из осколков раковин.

– Хорошо, но, если тебе станет совсем плохо, нога заболит или вконец устанешь, мы сядем на автобус, ладно?

– Ладно. – Даже краснота от солнечного ожога не скрывала темных кругов у него под глазами.

* * *

Белые дюны из крупного зернистого песка мягко спускались к самому устью реки То. Это был даже не песок, а мелкий сыпучий гравий, похожий на осколки кораллов. Покрытые зеленью, жужжащие ордами насекомых, бесконечные дюны

Берроуз – одна из крупнейших экосистем песчаных дюн в Англии. В пути я не особо смотрела по сторонам, потому что увлеклась собственным носом, с которого облезали крупные лоскуты кожи; так, сведя глаза к носу, я незаметно прошла больше мили. Мот все чаще глядел себе под ноги, с трудом переступая по вязкому песку, поэтому мы оба дернулись от неожиданности, когда внезапно из марева пустыни возник спецназовец в полном обмундировании – самый настоящий солдат, в камуфляже и с автоматом. Я никогда еще так близко не видела вооруженного солдата и не знала, что делать: падать на землю, заложив руки за голову, стоять навытяжку, убегать?

– К сожалению, сегодня дальше идти нельзя. Вам придется пойти обратно.

– Мы не можем пойти обратно, нам нужно вперед, – ничего умнее мне в голову не пришло, но Мот казался совершенно спокойным.

– День добрый, а что тут у вас происходит? Учения или что-то вроде того?

– Так точно, сэр, и для гражданских дорога закрыта.

Из-за дюн появилась группа из двадцати солдат, которые повалились отдыхать на песок; к ним подъехал грузовик с брезентовым кузовом.

– Мы не можем пойти назад, Моту плохо, мы идем в Бронтон, чтобы сесть на автобус. Мы на него не успеем, если пойдем обратно. – Достаточно ли отчаянно я выгляжу?

– Стойте здесь, пойду узнаю, что можно сделать.

Через несколько секунд солдат вернулся с фляжкой воды.

– Не сходите с места. Когда мы будем уезжать, захватим вас с собой. Вы что же, не видели объявления, что дюны сегодня закрыты?

– Нет.

– Никуда отсюда не уходите.

Солдаты быстро покидали снаряжение в грузовик, поднимая свои гигантские рюкзаки как пушинки; мой рюкзак они бросили поверх остальных. Вблизи они выглядели совсем мальчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Около 391 км. Одна миля равна 1609 метрам. – Здесь и далее примечания переводчика.

2

1013 км.

3

30,48 см.

4

Иглу – зимнее жилище эскимосов, сделанное из снега или льда.

5

Один стоун равен 6,35 кг.

6

Около 60 американских долларов.

7

Шеймас Хини (1939–2013) – ирландский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе.

8

Также известно как восстание Уота Тайлера; крупное крестьянское восстание в Англии в 1381 году, при Ричарде II.

9

Ликвидация монастырей и конфискация их имущества в казну при Генрихе VIII, в результате которой остались бездомными более 10 000 монахов.

10

Тонтон – город в графстве Сомерсет, на юго-западе Великобритании.

11

Национальный фонд объектов исторического интереса либо природной красоты – британская некоммерческая организация, защищающая объекты культурной, исторической и природной ценности на территории Англии, Уэльса и Северной Ирландии.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vinn_reynor/solenaya-tropa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить